

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЛЕ

ИЛЛЮЗИЯ СМЕРТИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Франк Тилье
Иллюзия смерти

Franck Thilliez
Au-Delà de l'Horizon et autres nouvelles

© 2020, Editions Pocket, Département d'Univers Poche

© М. И. Брусовани, перевод, 2020

© Р. К. Генкина, перевод, 2020

© Г. А. Соловьева, перевод, 2020

© М. Е. Тайманова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Где-то за горизонтом

Этот звонок для меня жизненно важен, но прозвучал он в самый неподходящий момент. В трубке голос представителя НАСА: он информирует меня о том, что миссия «Ахерон^[1] II» стартует и в 18:00 к моему дому в парижском предместье подъедет машина, чтобы отвезти меня в аэропорт.

Да только вот незадача: в ближайшие двое суток Элен должна родить. И я непременно хочу присутствовать при появлении на свет своего сына. Как же быть? Отказаться от мечты, ради которой я вот уже два года из кожи вон лезу? Я прильнул ухом к округлившемуся животу жены. Чувствую, как младенец бьет ножкой, и в этом пытаюсь найти ответ на свой вопрос. В конце концов, младенец тоже имеет право высказаться. Если я соглашусь, меня не будет здесь, когда он откроет глаза. И когда впервые улыбнется. Я пропущу все эти первые разы, а их уже не наверстать. Я распрямляюсь, смотрю на Элен, глажу растянувшуюся кожу ее живота и пупок, который торчит, как нераспустившийся бутон розы.

– Я буду думать о вас обоих каждый день и каждый час. И потом, ты же будешь посылать мне фотографии. Я увижу, как Натан растет, и мы всегда будем рядом друг с другом.

– Гавайи не так уж и далеко, – говорит она, чтобы успокоить себя. – Это хотя бы на Земле.

– На Земле.

– Ладно, иди собирайся. Время поджимает.

Я так долго ждал этого момента, что мне нужен всего-то час, чтобы подготовиться к отъезду – сложить самое необходимое в большой спортивный рюкзак. Быт под куполом наверняка будет самым что ни на есть простым. В любом случае я имею право взять с собой не больше пятнадцати килограммов.

Уже 17:40. Ненавижу! Ненавижу эти последние минуты. Последняя чашка кофе, последний взгляд на садик, где у меня растут овощи и фрукты, последний звонок матери, которая сейчас как раз выезжает из Марселя, чтобы в день икс сопроводить Элен в больницу. Я стараюсь сдержать слезы, но это нелегко. К тому времени как я вернусь, многое изменится. Элен промокает каплю, которая собралась в уголке моего глаза. Для нее мой отъезд тоже непростая штука. Меня не будет рядом, чтобы перерезать пуповину.

Мне кажется, я люблю ее еще больше, чем всегда. Мне будет так ее не хватать. Я пытаюсь представить себе, как станут волноваться те мужчины и женщины, которые в будущем на самом деле покинут Землю, чтобы лететь на Марс. Я завидую их силе и смелости.

Я протягиваю жене лэптоп с электронной почтой, уже настроенной техниками НАСА, чтобы она могла связаться со мной, пока я буду находиться под куполом.

– Наша связь. Держи его все время под рукой. Я буду писать тебе, а ты мне. Ежедневно отправляй мне фотографию малыша. Наше общение будет ограничено, но я хочу видеть, как он растет, и не пропустить ни одного важного момента. И не забывай про нашу тайную переписку, используй ее только в крайних случаях, если не хочешь...

– ...чтобы НАСА узнало; я поняла. Поклянись еще раз, что будешь осторожен, что побережешь себя.

– Мой мир будет гораздо менее опасным, чем твой. В радиусе десятков километров не будет ни одной живой души. За нами постоянно будут наблюдать лучшие специалисты НАСА. Это тебе, Элен, следует быть осторожной. Здесь, в городе, рисков гораздо больше. Я свяжусь с тобой сразу, как прибуду на место.

Перед домом раздается гудок. Я предпочитаю не медлить, чтобы избежать душераздирающего прощания, и торопливо ныряю в черный седан. Машина сворачивает за угол, и тут желудок у меня сводит от странного ощущения. Я чувствую, как к горечи от осознания того, что я должен уехать, оставить жену буквально

накануне родов, примешивается огромная радость. Чтобы успокоиться, я убеждаю себя, что сделал правильный выбор. Всего пять лет назад я был просто студентом-биологом, специализирующимся на астробиологии: я изучаю все процессы, которые могут привести к возникновению жизни. Прошло два года, как я подал заявку на участие в проекте «Ахерон II», и вот сегодня, после тяжелых тренировок и нескончаемой серии подробнейших тестов, часть которых проводилась непосредственно в лабораториях НАСА, мне посчастливилось быть выбранным среди десяти тысяч кандидатов. Я вхожу в число шести наиболее подходящих специалистов, которым предстоит в течение трехсот шестидесяти пяти дней изучать и оптимизировать будущие путешествия на Марс. И если я справлюсь, то, возможно, стану одним из тех, кто однажды полетит на Красную планету.

В аэропорту Руасси – Шарль де Голль меня встречает человек в форме. До чего же неприятный! Лицо рябое, губы какие-то сморщенные, напоминают дольки грейпфрута. Зовут его Рональд Шерон, он из Вашингтона. Вместо того чтобы, как было договорено, дать мне билет на самолет, он сообщает, что я полечу на частном самолете.

– Почему на частном?

– Вы направляетесь не на Гавайи, но знайте, что метеорологические условия и купол будут строго идентичными тем, что были описаны в документации. Запрошенное вами лабораторное оборудование уже ожидает вас на месте.

– Не на Гавайи? Это как?

– НАСА желает, чтобы эта командировка оставалась полностью конфиденциальной. Никаких журналистов, никакой рекламы, никакой утечки в Интернет – полная невозможность определить ваше местонахождение. Напоминаю вам, что в ходе предстоящих полетов на Марс придется быть готовым садиться на площадки, отличные от запланированных. У вас есть вопросы?

Я удивлен, что меня вводят в курс подобным образом – в коридоре аэропорта, за несколько минут до вылета, – но я понимаю, что другого решения нет. При наличии мобильных и Интернета возможны любые утечки. Подумать только, я неделями изучал географию в окрестностях вулкана Мауна-Лоа! Здорово же я продвинулся!..

– Нет, никаких вопросов.

– Хорошо. Дайте ваш телефон. Через год я вам его верну.

Через год. Ну дела! Я неуверенно протягиваю ему свой мобильник. В кипе документов, относящихся к проекту, было ясно сказано, что на объекте телефоны и фотоаппараты запрещены и будут «изъяты» перед размещением, однако сейчас, в эту самую минуту, я ощущаю, как увеличивается расстояние между мной и моими близкими.

Мы идем по коридорам терминала 2F и проходим через посты контроля – особые, не те, что для простых смертных. У меня требуют паспорт, но ни разу не спрашивают место назначения. Вместе с сотрудниками аэропорта Рональд проверяет, не везу ли я фотооборудование или камеру. Спустя полчаса мы садимся в новехонький самолет дальней авиации авиакомпании «Paradisio». Десяток удобных кресел, напитки и еда по желанию: НАСА постаралось. В этом самолете, который стоит целое состояние, мы с американцем вдвоем, и я внезапно ощущаю свою значительность. Немного самолюбия не повредит.

Шторки иллюминаторов намеренно опущены, и поднять их невозможно. Рональд и часы у меня отобрал: он хочет быть уверенным, что я не высчитаю продолжительность полета. Если я задаю ему вопрос, он отрывается от своего sudoku, покусывает деревянный карандаш и заявляет, что не может ответить: он здесь исключительно для того, чтобы обеспечить мое прибытие в нужное место.

Когда шасси отрываются от французской земли, я прикидываю, что сейчас около восьми вечера. Я чувствую себя легким, как птица,

свободным и облеченным важной миссией. Я готовлюсь жить в изоляции, вдали от средств массовой информации, от какой-либо цивилизации, отключенным от всех сетей и Интернета.

Такой разрыв с суматошным миром мне чертовски кстати. Я познакомлюсь еще с пятью потрясающими, блестящими людьми: они, как и я, расстались со своими семьями, с друзьями. И одержимы одной целью: успешно справиться с миссией и однажды полететь на Марс.

Но мне не удастся прогнать завладевшую мной несколько часов назад тревогу. Внезапность отъезда, смена направления, эта история с полной конфиденциальностью... Меня все-таки гложет неприятное чувство, что в НАСА мне сказали не всё.

* * *

День 1-й

Удар шасси о посадочную полосу выводит меня из дремотного состояния. Я уснул и теперь не вполне понимаю, где я. И который час. День? Ночь? Мы могли лететь и десять часов, и пятнадцать. Прежде чем дверь открылась, Рональд попросил меня надеть маску, закрывающую глаза. Можно подумать, снимается шпионский фильм. Двигатели выбрасывают раскаленный, как в аду, воздух, от керосиновых испарений кружится голова. Чья-то рука ведет меня до автомобиля с кондиционером, мы трогаемся с места.

Радио в машине нет. Рональд и водитель, тоже, мне кажется, американец, обмениваются какими-то банальными фразами. Я в стрессовом состоянии, чувствую себя кем-то вроде заложника, но еще в аэропорту я понял, что командировка уже началась. Наверное, это какой-то тест. Одна из задач миссии «Ахерон II» заключается в том, чтобы оценить психологическое состояние экипажа, вынужденного жить в замкнутом пространстве во враждебной среде. Людям, которые отправятся на Марс, придется вынести

длительное, полугодовое, путешествие в темноте космоса, они будут существовать взаперти, дышать вторичным воздухом. Если я не смогу в течение нескольких часов вытерпеть повязку на глазах, то я там долго не выдержу.

Интересно, в какой стране мы приземлились? Здесь градусов двадцать. Я прикидываю возможные места назначения. Пустыня в штате Юта? Африканский Рог? Какой-нибудь остров посреди Тихого океана? У НАСА повсюду есть полностью автономные базы.

После долгой утомительной езды по тряской дороге машина останавливается. Шерон помогает мне выйти. Снимает с моих глаз повязку. Ослепленный белым светом, как на выходе из тоннеля, я сначала зажмуриваюсь, а потом у меня дух захватывает: передо мной один из самых невероятных пейзажей, которые мне доводилось видеть. Исчерченное белыми кудрявыми следами самолетов, чистейшее голубое небо контрастирует с морем красных камней на ржавой охристой поверхности. В одну сторону она простирается сколько хватает глаз, а с другой ее прерывает полукруг величественных возвышенностей, похожих на вулканы. Если бы мне надо было описать поверхность Марса, я бы справился, глядя на это бескрайнее пространство, освещаемое солнцем, гораздо более массивным здесь, чем где-то еще, и на эту беспощадную сушь, от которой у меня уже першит в горле. Никаких следов растительности. Как если бы жизни вообще не существовало.

Метрах в ста от меня возвышается купол. Он соответствует имеющемуся у меня описанию: белая полусфера высотой одиннадцать метров в верхней точке, расположенная на площади около ста квадратных метров и тоннелем связанная с контейнером под названием Литл-Бокс^[2]. Слева от него наше разведывательное транспортное средство со своими собственными солнечными батареями. Из шлюза навстречу мне выходят пятеро других членов экспедиции. Я прибыл последним.

Рональд возвращает мне часы и пожимает руку. Я бросаю быстрый взгляд на номерной знак «хаммера», но он не читается, потому что

покрыт красной пылью.

– Попытка не пытка, – с улыбкой бросает мне американец. – Встречаемся через год, здесь же, в это же время.

Он садится в машину и сразу же трогается с места, разрывая таким образом всякую связь с цивилизацией. Ну вот, как говорится, поезд ушел. Теперь я не могу даже обернуться, без того чтобы не запустить процедуру срочного возвращения, что лишит меня шансов в один прекрасный день отправиться на Марс. Странное ощущение. Перекинув рюкзак через плечо, я пока еще не очень уверенным шагом направляюсь к куполу. Теплый ветер ласкает мне лицо, я в последний раз вдыхаю чистый воздух и запах горячего камня. Когда я пройду через створки шлюза, эти простые удовольствия на долгий год станут для меня запретными.

В надежде на то, что Рональд не перевел время, я на ходу взглядываю на циферблат своих часов и быстро подсчитываю: вот уже двадцать восемь часов, как я покинул дом. Во Франции десять вечера. А здесь солнце еще стоит высоко. Наверное, мы летели на запад. Надо написать Элен, узнать, нормально ли добралась моя мать, начались ли схватки, в каких условиях проходят роды. Меня обуревают множество мыслей и чувств.

Собираясь надеть часы, я замечаю на внутренней стороне кожаного ремешка неразборчивую карандашную надпись по-французски: *Жизнь всего лишь иллюзия.*

* * *

Три женщины, трое мужчин. Средний возраст – тридцать один год.

Джоанна Уотсон, австралийка, врач, ученый-невролог.

Кларисса Смит, американка, физик.

Элизабет Пэтиссон, шотландка, биолог.

Карл Оппенгеймер, немец, инженер по робототехнике.

Питер Джонсон, американец, архитектор.

И я, Марк Жуано, двадцать восемь лет, самый младший, астробиолог.

Шестеро специалистов в разных областях науки, которым предстоит, применив все свои знания и приложив немалые усилия, доказать, что на красной планете возможна жизнь в режиме самообеспечения. Мы обмениваемся дружескими рукопожатиями, быстро представляемся друг другу и обсуждаем странный способ, которым мы все сюда прибыли.

Уже вовсю высказываются гипотезы относительно местоположения нашей базы. Большинство склоняется к какой-нибудь южноамериканской стране – самая правдоподобная мысль. Разумеется, я ничего не говорю им о странной надписи на ремешке моих часов. *Жизнь всего лишь иллюзия.* С чего вдруг американец, который ищачит на НАСА, написал бы мне такое на рассвете первого дня?

Мы проникаем в пузырь, где мне предстоит провести следующий год. Первое, что я вижу, войдя в купол, – это тамбур, где висят шесть наших огромных космических комбинезонов. Миновав это пространство безопасности, посетитель получает две возможности: свернуть вправо, в тоннель, ведущий к Литл-Боксу, или продолжать двигаться прямо, к главному помещению. Именно там по кругу расположены наши рабочие пространства, разделенные невысокими экранами. Тесная вселенная лабораторных колб и пробирок, компьютеров, электроники, книг. И прочего научного инвентаря, который представляет собой мозговой центр наших изысканий.

Моя лаборатория устроена так, как я просил. Беглый осмотр показывает, что все на месте, а главное – мои микроорганизмы. Мелкое оборудование – химический стакан, пипетки – слегка потрескалось, наверняка издержки транспортировки. К счастью, я заказал несколько штук на замену, и они в полном порядке.

Экскурсия продолжается. В другой половине круга, за перегородками, мы обнаруживаем анфиладу помещений: кухня, биотуалеты, ванная комната, в которой только душ и раковина,

импровизированный спортзал с домашней беговой дорожкой и велотренажером, что позволит одновременно генерировать электричество, а также помещение, оборудованное еще одним компьютером и носящее название «бокс сингулярности^[3]». «Это место, где каждый может связываться со своими родными в относительно интимной обстановке», – объясняет мне на своем исковерканном шотландцами английском Элизабет Пэтиссон. У этой маленькой женщины с веснушчатым лицом огненно-рыжие волосы, они заплетены в длинную косу, спускающуюся ниже поясницы. Энергия буквально переполняет ее, и, похоже, она болтушка. «Мы образуем тандем биологов и очень быстро сойдемся». Она изучает экосистемы между растениями, рыбами и бактериями, в которых одни питаются отходами других.

Наш врач, Джоанна Уотсон, такая же яркая брюнетка, как Кларисса Смит – блондинка. Обручального кольца не носит. Карл Оппенгеймер – огромный немец с бицепсами регбиста и очень темной бородой. Похоже, только мы с ним люди семейные.

В верхней части купола, куда можно попасть по деревянной лестнице, располагаются наши спальни или, скорее, каюты. Черда дверей, которые наводят на мысль о женских туалетах в кемпинге. За каждой дверью – четыре квадратных метра, низкий сводчатый потолок, односпальная кровать, маленький столик, узкий шкаф, на полу кусок серого паласа и тонкие, как папиросная бумага, перегородки. Ничего удивительного, все соответствует описанию, предоставленному американским предприятием. Явно не четыре звезды, но мы и не отдыхать приехали.

Прибыл последним – получи, что заваялось. Мне досталась самая неудобно расположенная спальня – та, что выходит прямо на лестницу. Я снимаю рюкзак, вынимаю из него бортовой журнал, в который намереваюсь ежедневно записывать результаты своих исследований и впечатления, а также пурпурный с зелеными разводами шарф Элен: она часто носит его вокруг шеи, и он пахнет

ее духами. Прикрыв глаза, я вдыхаю ее аромат. И едва успеваю сунуть его под подушку, как меня зовут.

Стоящая на крошечном столике позади наших лабораторий приемопередающая станция, напоминающая старый телевизор, довольно посредственно показывает какое-то лицо. Это Майкл Льюис, наш референт – единственная наша связь с внешним миром. Изможденная физиономия в круглых очках. Он, видимо, сидит у себя в кабинете: за его спиной растянута большая флаг с логотипом НАСА.

– Вы все прошли в НАСА строгий отбор благодаря вашим знаниям и адаптационным способностям, которые позволят вам выжить в режиме самообеспечения будущих поселений на Марсе. Наиболее годные из вас, возможно, получат шанс отправиться туда в будущем...

Сгрудившись возле телерадиоприемника, относящегося, пожалуй, к семидесятым годам прошлого века, мы все прямо-таки раздулись от гордости. Я ну просто чувствую, как она прет из наших грудных клеток.

– ...Отныне вы должны считать, что находитесь на Марсе. Ваш декан, Питер Джонсон, – военный, имеющий непосредственное отношение к нашей организации. Поэтому он назначен вашим руководителем и будет обеспечивать как можно более успешное выполнение миссии...

Все смотрят на Джонсона. У него квадратные челюсти, ледяные голубые глаза и харизма капитана корабля. Такому положено носить форму, увешанную медалями.

– Вам придется соблюдать чрезвычайно строгие правила. Вы их знаете наизусть, но основные я вам повторю. Прежде всего, ни при каких обстоятельствах вы не должны выходить из купола без комбинезона, будь то пожар, утечка – любая причина, толкающая вас наружу. Отныне НИКОГДА без комбинезона.

Тон у него властный, лицо замкнутое. Он наверняка видит нас при помощи маленькой камеры, вмонтированной в корпус телевизора.

– Также необходимо строжайшим образом соблюдать протокол возвращения в купол: разблокирование внешних створок шлюза, санитарная обработка, затем разгерметизация перед открытием внутренней двери. Не приносите снаружи никаких живых организмов. Всякое нарушение этого правила повлечет за собой немедленное отстранение вас от миссии и поставит под угрозу равновесие вашей группы, и вы можете не сомневаться, что НАСА навсегда разрушит вашу карьеру. Миссия «Ахерон II» должна быть успешной.

От этого его заявления меня пробрал озноб. Я смотрю на своих застывших перед экраном коллег. На лбу Оппенгеймера выступили крупные капли пота. Он замечает, что я разглядываю его, и вызывающе дергает подбородком, как бы спрашивая: «Чего тебе?» Я отворачиваюсь и продолжаю смотреть на экран.

– ...Второй важный пункт: вода. В обязанности Клариссы Смит, физика вашей команды, входит работа по извлечению связанных вод из присутствующих в марсианской почве минералов. Ее проект должен быть завершен в конце этого года, так что дел достаточно...

Смит – это икона группы. С ней я бы с удовольствием изучал физику. Походка у нее легкая и спортивная. Ей потрясающе идет бейсболка с надписью: «Eagles of Philadelphia». Похоже, НАСА при подборе кандидатов пользовалось очень четкими физическими критериями.

– ...В любом случае первым колонистам непременно придется экономить воду – самый драгоценный ресурс. Бесхозяйственность на Марсе – это верная смерть. Поскольку выделение воды из земной почвы не является актуальной проблемой, под основанием купола закопан резервуар на десять тысяч пятьсот литров. Внешняя команда обслуживания, с которой вы не будете иметь никакого контакта, каждые семьдесят дней – ни днем раньше, ни днем позже – будет наполнять его. Вас шестеро, вот и считайте сами...

Я слежу за соседями: они, так же как и я, принимаются делать подсчеты. Получается двадцать пять литров в день на человека,

тогда как средний француз потребляет приблизительно сто пятьдесят. Дома я тренировался на сорока литрах. Мы обмениваемся быстрыми взглядами. Оппенгеймер по-прежнему выглядит очень напряженным. Пэтиссон Огненная Коса, нервничает. Она нажимает кнопку передачи:

– А что случится, если мы израсходуем всю норму воды до наполнения резервуара?

Пэтиссон замечает свою оплошность в тот момент, когда отпускает кнопку: Льюис получит ее сообщение не раньше, чем через двадцать минут. Для нашей миссии смоделировано все, включая время, за которое волны проходят расстояние от Марса до Земли. В таких условиях нормальные разговоры, когда один отвечает другому, невозможны. Льюис невозмутимо продолжает свою речь:

– А теперь о связях с нашим миром. Как оговорено в документации, каждый из вас имеет учетную запись на компьютере в боксе сингулярности. Поскольку отправка и прием данных потребляет энергию и ограничено пропускной способностью, вы получите право посылать одно электронное письмо в день и получать одно от лица, указанного при вашем зачислении в проект. Доставка письма адресату, как и его получение, займет двадцать минут. Полученные письма не должны превышать определенного веса. Вы можете получать одну фотографию в день, однако, если она слишком тяжелая, ее качество будет снижено... Отметьте для себя, кстати, что передатчик, используемый в тот самый момент, когда мы с вами общаемся, будет также служить новостным каналом. Каждое утро, с семи до восьми, приятный женский голос в циклическом режиме будет зачитывать вам короткие новости из нашего мира. Политика, здоровье, экономика. Это позволит вам сохранять связь с реальностью.

Мы стоически слушаем его речь. Спустя сорок минут, прямо посреди его монолога, нам приходит ответ на вопрос Пэтиссон. Черные глаза Льюиса холодно нацеливаются в то место, где

шотландка находилась двадцать минут назад. С тех пор она немного сместилась влево.

– Нехватки воды не должно случиться никогда, Пэтиссон. Различные измерительные приборы дают возможность контролировать в реальном времени уровень воды, произведенную и потребленную энергию, а также температуру. Вы единовластные хозяева вашего производства и потребления...

Он возвращается к предыдущей теме. Интимные отношения не запрещены. Мы должны один раз в день заполнять и отправлять из бокса сингулярности анкеты о состоянии нашего здоровья, о нашем настроении, об отношениях с коллегами. Конфликт? Дружба? Напряженность? Все должно быть высказано и проанализировано. Льюис успокаивает нас, утверждая, что никакая камера ничего не записывает, кроме времени, когда активирован приемопередатчик. Кроме того, мы должны постоянно носить на себе датчики, которые будут передавать в НАСА наши биологические показатели – сердечный ритм, давление, продолжительность и качество сна – и наше местоположение. Эти датчики ни в коем случае нельзя снимать, только во время туалета. Я все это знал, но теперь это стало реальностью. Не осталось ничего интимного.

Мы объекты изучения, мы принадлежим аэрокосмическому предприятию – душой и телом.

Майкл Льюис объявляет миссию официально начавшейся. Сегодня 10 июля 2016 года, четыре часа дня. Едва он прервал передачу, я направляюсь к боксу сингулярности. Запершись в крошечной комнатке, я вхожу в свой аккаунт и пишу единственное ежедневное сообщение, на которое имею право.

Спустя час, получив в ответ сообщение Элен, я появляюсь в дверях лаборатории. В глазах у меня слезы. Мои новые коллеги на своих местах или занимаются описью оборудования.

– Я стал отцом!

Все лица поворачиваются ко мне, все действия прекращаются.

– Его зовут Натан, он весит три четыреста, рост пятьдесят пять сантиметров. Родился всего несколько часов назад.

Кларисса Смит и Элизабет Пэтиссон подходят и в знак поздравления хлопают меня на спине, другие пожимают мне руку. Оппенгеймер до боли стискивает мои пальцы, но зато одаряет меня улыбкой. Наш врач, Джоанна Уотсон, остается на месте, где только что устроилась, и оттуда приветливо машет мне рукой.

Вечером мы празднуем рождение моего сына и начало нашего приключения тем, что поедаем приготовленными мною (громко сказано!) кубики сублимированной курицы и картофельные хлопья. Это наш первый ужин в длинной череде обезвоженных блюд, к которым постепенно будет прибавляться продукция нашего местного производства. Воспользовавшись случаем, мы составили график дежурств по приготовлению пищи. Оппенгеймер, наш месье Электроник, заявил, что готов делать все, что угодно, даже чистить туалеты, но никогда не сможет приготовить что бы то ни было, даже если речь пойдет о том, чтобы смешать порошок с водой. Пэтиссон вычеркнула его из графика, в любом случае сама она обожает торчать у плиты.

Позже, оказавшись один в своей крошечной комнатке, увешанной датчиками, я закрываю глаза и думаю о своей семье. На Землю, которая неважно себя чувствует, которая больше не дышит и медленно умирает, пришел мой сын. Именно ради него я здесь. Ради него и его будущих детей. И всех остальных детей этого мира.

Командировка имеет важнейшее значение для выживания нашего вида.

Льюис прав: мы непременно должны добиться успеха.

* * *

День 7-й

From: MarcJoisneau@acheron-nasa.com

To: HeleneJoisneau@free.fr

Дорогая,

спасибо за присланную фотографию, я так рад видеть вас обоих. Качество снимков, конечно, не очень, система НАСА для сжатия фотографий оставляет желать лучшего (господа, вдруг вы это читаете!), я плохо различаю ваши лица, попробуй сама сжать размер файла, посмотрим, может, будет лучше. Мне хочется понять, насколько Натан на меня похож!

Итак, я уже неделю заперт в куполе. Никакое правило не мешает мне отправить тебе эту информацию, так что вот она: сопоставив полученные от членов команды факты, разницу во времени, температуру воздуха и геологию местности, можно предположить, что мы находимся где-то в районе пустыни Атакама, в Чили. В регионе, который как две капли воды похож на поверхность Марса. Пустынный, безжизненный и однообразный пейзаж, с грядой вулканов, загораживающих горизонт на востоке. Здесь зима, очень прохладные ночи и приятные дни. А вдруг ты сможешь поискать в Интернете и сообщить мне еще что-нибудь об этом странном месте...

Все идет, скорее, хорошо, если не считать кое-каких трений, вызванных особенностями характера некоторых членов миссии. Наш шеф, Питер Джонсон, – военный инженер, вот уже несколько лет сотрудничающий с НАСА. Среди нас он самый неуравновешенный, зато невероятно изобретательный. Помимо своей функции руководителя миссии, к чему он относится крайне серьезно, Питер является еще и архитектором, ему поручена научная разработка будущего жилищного строительства на Марсе. Вдобавок он ведет наблюдение за использованием оборудования и ресурсов нашей миссии: насколько купол удобен и адаптирован для жизни в коллективе? Без чего можно было бы обойтись? Чего не хватает?

Он следит за тем, чтобы мы строго придерживались правил, и ежедневно скрупулезно записывает, сколько каждый расходует ресурсов – воды, электричества и даже калорий: мы по часу в день

занимаемся спортом! Карл Оппенгеймер, наш специалист по робототехнике, сильно потеет и к концу дня очень дурно пахнет. Если мы, чтобы уложиться в установленные Джонсоном квоты (уверяю тебя, мы все равно моемся, но над раковиной!), принимаем душ раз в три дня, то он должен делать это ежедневно, и, поверь мне, для нашего коллектива это благо! Однако по факту необходимое для его гигиены потребление, несмотря на все старания бедняги сократить его, неизбежно доходит до тридцати одного литра. А если прибавить к этому воду, которую он пьет, то его личный счетчик подскакивает выше отметки в тридцать три литра вместо двадцати пяти.

К счастью, мы можем рассчитывать на Джонсона, он найдет выход. Он уже разработал очень эффективный способ управления водой и отходами. Большая часть воды из душа собирается в ведро. Его содержимое мы используем для стирки, а потом этой же водой моем пол. То же самое с посудой: мы моем ее фильтрованной водой из душа (ставим на ведро очень мелкое сито) и только для ополаскивания берем совсем немного чистой. Когда вода становится очень грязной, мы переливаем ее в резервуар Литл-Бокса, откуда она по тонкой трубочке отправляется в выставленный на солнце внешний резервуар. Там вода испаряется, а органические отходы остаются на дне. Я их собираю, чтобы, как компостом, обогатить мой субстрат. А Пэтиссон использует их как один из кирпичиков в строительстве своей экосистемы.

Как ты поняла, здесь все идет в дело. Мы действительно осознаем ценность ресурсов нашей планеты. Если бы только каждый из нас мог всегда об этом помнить, насколько лучше все было бы на Земле, и нам не пришлось бы сидеть взаперти в этом куполе, чтобы найти способы, как противостоять человеческому безумию.

Кстати, ночи очень холодные, и мы для экономии электричества не включаем отопление, потому что дни короткие и солнечные батареи дают меньше энергии. А мы не можем позволить себе остаться без электричества, оно необходимо для функционирования

лабораторий и аппаратуры жизнеобеспечения. Летом будет лучше. Кто способен на большее, способен и на меньшее, к тому же у нас есть одеяла.

Завтра я расскажу тебе о наших биотуалетах и о том, как мы перерабатываем и эти отходы тоже. Тут целое дело!

Береги себя и Натана. Как его желтушка, проходит? Удастся ли тебе поспать ночью? Я вас люблю.

Марк

День 8-й

From: HeleneJoisneau@free.fr

To: MarcJoisneau@acheron_nasa.com

Любовь моя,

так вы в пустыне Атакама? Удивительно, что НАСА позволяет тебе говорить, где ты находишься, разве это не является тайной? Или же бокс сингулярности в самом деле обеспечивает уединение и они не следят за твоей перепиской? Об этом можно только мечтать.

Я посмотрела по карте: эти пейзажи и правда похожи на то, что нам известно о Марсе. А камень красных тонов просто невероятен. Ты знаешь, это одна из самых бесплодных и пустынных областей на планете. В некоторых местах вот уже более пятидесяти лет не выпало ни одной капли осадков! Судя по вашему расположению, не исключено, что в определенные дни небо над вами закроет плотный слой низкой облачности, называемый каманчака^[4], и это может продлиться довольно долго. Что в таком случае будет с солнечными батареями?

У нас все в порядке, желтушка у Натана прошла. Ночи по-прежнему тяжелые, усталость постепенно накапливается, но ничего, все нормально. Не стану же я жаловаться, ведь я наслаждаюсь домашним комфортом, а у тебя почти ничего нет. Не удивляйся, если мои ежедневные послания не будут иметь четкого расписания, главное – наш малыш! Во всяком случае, твои сообщения приходят всегда точно, как по нотам, в этом я узнаю ученого.

Ладно... По поводу фото Натана в приложении: программа, установленная этими типами из НАСА, показывает, что я приближаюсь к допустимому пределу слов. Как мало! Наверное, я буду посылать тебе фото через раз: это позволит мне больше писать. Решай сам, фотография или текст? В худшем случае, мне понадобятся всего три слова, чтобы сказать: «Я тебя люблю».

Элен

День 17-й

Всем привет.

Взгляд на мир 26 июля 2016 года.

Германия: в окрестностях Нюрнберга взорвался оставленный кем-то чемодан, жертв нет.

В Испании арестованы два марокканца, подозреваемые в финансировании Исламского государства.

В докладе сообщается, что двести видов птиц находятся на пороге вымирания.

Австралия: ведется следствие против наместника Ватикана, обвиняемого в сексуальных домогательствах по отношению к несовершеннолетним.

Франция: два молодых человека проникли в жандармерию департамента Од, чтобы поймать покемона.

Потепление климата: в Норвегии обнаружено около сотни погибших северных оленей.

Хиллари Клинтон официально избрана кандидатом на президентский пост. Дебаты Клинтон / Трамп.

До завтра, команда.

День 25-й

График показывает, что сегодня наконец наша с Пэтиссон очередь покинуть купол и идти изучать окрестности. Вот уже сутки я с нетерпением жду этого выхода, однако чувствую, что с моей напарницей что-то не так. Она, которая еще вчера выглядела такой

воодушевленной, сегодня добрую часть утра проторчала в своей спальне, хотя обычно одной из первых мчится к себе в лабораторию. Едва цедит слова, почти ничего не ела. Впрочем, она уверяет меня, что все хорошо, просто мы проводим все вместе больше двенадцати часов в сутки, и малейшее нарушение привычного распорядка выбивает нас из колеи.

Мы идем готовиться. Наконец-то я смогу нарушить устойчивое однообразие, пришедшее на смену эйфории первых дней. На несколько часов сбежать из плена датчиков, от некоторого напряжения, царящего в группе, особенно между Оппенгеймером и Джонсоном. Вдобавок к их ежедневным трениям по поводу воды эти двое имеют совершенно противоположные политические взгляды. Джонсон как личное оскорбление воспринял слова немца о том, что американский народ достаточно глуп, что избрать Трампа. «Если Трампа выберут, я немедленно покину миссию!» – возразил Джонсон. Они заключили пари. Я видел, какой электрический разряд проскочил между ними, когда они обменивались рукопожатием.

В комбинезоне, который Пэтиссон помогла мне застегнуть, я чувствую себя комфортно. После тщательной проверки герметичности, а затем и открытия шлюза мы наконец оказываемся снаружи. Целью нашей сегодняшней командировки является продвижение за штурвалом марсохода «Нух» к гряде вулканов и обнаружение полостей, которые могли бы служить жилищем или убежищем в случае непредвиденных осложнений. Необходимо быть готовыми в условиях Марса быстро эвакуировать базу и обеспечить себе защиту во время жестоких солнечных бурь и сильных излучений.

Мы должны сделать приблизительно двадцать километров туда-обратно, что, грубо говоря, соответствует трети технических возможностей «Нух». Когда придет время поворачивать назад, напичканный навигационными приборами аппарат подаст нам сигнал. Мы не можем позволить себе зайти за критическую отметку,

так называемую точку невозврата, иначе рискуем обратно добираться пешком. А шлепать по такой пустыне...

«Нух» гениален в управлении, его мощные колеса легко справляются с тряским рельефом и позволяют держать заданный курс. От скорости создается ощущение скользящего по лицу ветерка. Солнце печет сквозь шлем, очень жарко, несмотря на систему охлаждения. Я чувствую себя так, будто заперт в гигантской консервной банке; к счастью, через тоненькую трубочку мне в случае необходимости поступает вода. Краем глаза я наблюдаю за Пэтиссон. Она очень бледная, – похоже, ее мутит. Я выключаю рацию, связывающую нас с остальной группой.

– Что-то не так?

– Солнце прямо жарит... Во время тренировок в этих комбезах было не так душно.

– Хочешь вернуться?

– Нет, все в порядке.

Что-то я в этом сомневаюсь, выглядит она и правда неважнецки. Теперь мы уже далеко от купола, вне зоны видимости команды. Пэтиссон то и дело прикасается к основанию плексигласового пузыря, как будто хочет почесаться.

На отметке 14,2 километра от купола мы пешком подходим к каньону глубиной около десяти метров. Он, будто рана, раздирает красную почву, проходит между горами бурого цвета и исчезает за их обрывистыми склонами. Я по рации информирую наших коллег, что мы начинаем спуск. Мы двигаемся вдоль змейки камней, каждое движение дается нам с трудом: комбинезоны очень тяжелые. Надо внимательно смотреть, куда ставишь ногу. Падение будет роковым для нашей экипировки ценой в несколько десятков тысяч евро.

Очень скоро мы замечаем полости, уходящие в чрево Земли. Когда мы проникаем внутрь одной из них, нас окутывают тени. Я зажигаю фонари, размещенные по обеим сторонам моего шлема, и успеваю разглядеть что-то вроде саламандры-альбиноса, прежде чем она скрывается от яркого света. Выходит, в этой пустыне

существуют какие-то формы жизни. Пещера кажется огромной, глубокой: мощные лучи моих фонарей даже не достигают дна этой вгрызающейся в землю гигантской черной пасти. Она может служить идеальным убежищем. И разумеется, никакого риска солнечных бурь на голубой планете; однако я до конца остаюсь в своей роли исследователя и передаю данные GPS нашему физику Клариссе Смит.

Готовый рискнуть спуститься глубже, чтобы увидеть, что у пещеры в брюхе, я возвращаюсь к Пэтиссон. Она исчезла. И обнаруживаю ее у входа: моя напарница неподвижно сидит в уголке. словно под анестезией. Подойдя ближе, я замечаю, что глаза у нее покраснели. Она печально поднимает их на меня:

– Моя мать умерла.

Я с трудом усаживаюсь рядом. С этими комбинезонами каждое движение стоит десяти. Она глубоко вздыхает:

– Я много лет вообще не разговаривала с ней, но все-таки это моя мать...

Пэтиссон принимается рыдать. Дыхание ее учащается, щиток шлема запотеваает – нарушена вентиляция. Резким движением Элизабет пытается нащупать боковые металлические клапаны, которые обеспечивают герметичность ее шлема. Я хватаю ее за запястья:

– Не делай этого!

В панике она отбивается и вопит. Я крепко стискиваю ее затянутые в перчатки руки и вплотную прислоняюсь своим щитком к ее забралу. Расстояние между нашими лицами – сантиметров двадцать.

– Если ты откроешь, твои датчики немедленно проинформируют команду и Льюиса, что ты разорвала контракт. Я хочу, чтобы прежде, чем что-то сделать, ты хорошенько подумала. Мы психологически подготовлены к тому, чтобы справляться с подобной ситуацией. Возьми себя в руки!

Постепенно ее дыхание замедляется, в конце концов она успокаивается. Пэтиссон опускает голову внутри шлема, который

остается неподвижным.

– Расскажи, как ты узнала, – прошу я ее.

– Сегодня утром, в боксе сингулярности... Сообщение от сестры. Лобовое столкновение на национальной трассе... Уснувший шофер грузовика. У нее не оставалось никаких шансов. Ей даже шестидесяти не было.

Я представляю себе весь ужас ситуации, шок Элизабет, ее горе, когда она прочла сообщение. Как бы отреагировал я, если бы что-то случилось с моими близкими? Мы так далеко друг от друга... У меня в наушниках потрескивает рация, Джонсон спрашивает, все ли в порядке. Я ищу ответ в глазах Пэтиссон, она кивает: она выдержит, – но я знаю, что огромная, как этот каньон, рана теперь проходит через ее сознание.

Во время следующего выхода я более подробно исследую эту пещеру. Когда мы возвращаемся к нашему транспортному средству, я как будто замечаю далеко, у самого горизонта, на вершине одной из гор, какое-то сверкание. Словно свет звезды. Это продлилось всего лишь мгновение, и я подумал, что, может, это просто отражение блестящей детали модуля на моем щитке.

Я доставляю нас обратно на базу. По дороге Пэтиссон предается ностальгическим воспоминаниям о Шотландии, о ее суровых просторах насыщенного зеленого цвета, какого больше нигде не увидишь. Тех холодных оттенков ей не хватает здесь больше, чем людей. Темно-зеленого, цвета морской волны и северного неба с брызгами звезд. Она опять плачет, слезы щиплют ей глаза.

Я нажимаю на кнопку, открывающую створки шлюза. После десятиминутного цикла обеззараживания и декомпрессии мы наконец можем снять комбинезоны. Элизабет Пэтиссон идет сполоснуть водой покрасневшие и распухшие глаза. Она решает сообщить всем о печальном событии и заявляет, что остается: Марс – это ее жизнь.

Мы все собираемся вокруг нее. Впервые между нами ненадолго возникает полное единение, даже Оппенгеймер и Джонсон

прекращают свои разборы. Жаль, что для того, чтобы это произошло, понадобилась внезапная и такая ужасная смерть.

Бортовой журнал, день 35-й

Дорогой журнал,

победа! Прошло немногим более месяца под куполом, как мне удалось превратить эквивалент марсианской почвы в субстрат для моих растений. Это большой шаг вперед: подобное достижение означает, что вскоре я смогу производить продовольственные ресурсы – особенно зеленые овощи – на основе исключительно марсианских элементов и нескольких граммов микроорганизмов, привезенных мною в пробирках.

Помимо субстрата сенсацией стали мои продукты «домашнего приготовления». Уотсон обожает хлеб и сыр, которые я произвожу из штаммов бактерий. А вот Пэтиссон полюбился мой творог. Ты, возможно, не осознаешь, но то, что произошло за последнее время, – невероятный прогресс. На основе моих микроорганизмов, которые я могу воспроизводить сколько хочу, да вдобавок очень быстро, я способен создавать пищу и надолго наполнять ею шесть желудков.

Прошло десять дней, Пэтиссон чувствует себя лучше, она справилась с шоком от известия о смерти матери. Чтобы обогатить кислородом свои нейроны, мы играем в шахматы. Кстати, у нее явные способности к этой игре.

Помимо исследований Оппенгеймер сконструировал маленького робота на колесиках и назвал его Хронос, он свободно перемещается внутри купола и отсчитывает количество секунд, оставшихся до конца нашей миссии: сейчас больше двадцати восьми миллионов. Не уверен, что это хорошая идея – постоянно напоминать нам, что миссия едва началась.

Немец проводит много времени в боксе сингулярности, пишет там сообщения и отвечает на вопросы анкеты. Мы слышим, как, сидя перед электронными схемами, он разговаривает сам с собой. Вроде как с воображаемым другом. Потому что изоляция, замкнутость

могут воздействовать на нервную систему, а я знаю, что он скучает по своей семье.

Джонсон и Смит, наша специалистка по извлечению воды, вот уже пять дней как составляют пару и по крайней мере раз в день по зову гормонов исчезают наверху. Это нас забавляет, в частности, когда они включают музыку, чтобы мы их не слышали. Трения с Оппенгеймером по поводу воды мало-помалу улеглись, особенно после того, как мы научились лучше контролировать ее потребление. Тем более что мы перебираем норму всего-то литра на четыре. Лично я очень горжусь своими ежедневными двадцатью тремя.

В итоге, прошел уже целый месяц, и все у нас хорошо, разве что ночи по-прежнему очень холодные. Еще не пролилось ни капли дождя, но два дня над нами висела каманчака, та знаменитая завеса из слоисто-кучевых облаков, которая все вокруг погружает во тьму и мешает солнечным батареям функционировать с максимальной отдачей. Такое непременно случится и на Марсе, с его-то пыльными бурями. С подобными явлениями надо считаться и затягивать пояса потуже. Зато какое удовольствие видеть, что и с этим можно справиться, даже когда природа устраивает нам непростую жизнь.

Продолжение следует...

День 37-й

Я принял решение разобраться с бардаком, который за долгие дни образовался в Литл-Боксе. Попользоваться, переставить, ничего не вернуть на место – это так свойственно ученым! Джонсон и Пэтиссон предлагают мне помощь, но я отвечаю, что справлюсь сам, да и время у меня есть: за последние дни мои изыскания хорошо продвинулись, и растения правильно развиваются.

Перемещаться в этом контейнере стало невозможно. Повсюду протянуты провода: к ретрансляционной станции, к бойлеру, к солнечным батареям, приборам, выключателям. В шкафах груды беспорядочно наваленных пакетов и банок с продуктами: сушеное мясо, сублимированные фрукты и овощи, макаронные изделия, рис,

сухое молоко... Коробки с лабораторными мелочами – халатами, перчатками, бахилами – набросаны кое-как, есть даже старый сломанный велосипед и вышедшая из строя беговая дорожка, – должно быть, их использовали во время предыдущих командировок. Мы явно не первые, кто пользуется этой базой.

Я методично, как могу, освобождаю Литл-Бокс, отправляя барахло в тоннель. Чтобы оптимизировать пространство, намереваюсь по-другому расставить шкафы. И вот, отодвинув один из них от задней стенки, я обнаруживаю металлический чемоданчик: он предусмотрительно припрятан в труднодоступном месте, за фанерной доской, и заперт на цифровой замок с тремя колесиками.

Звук падающего предмета заставляет меня обернуться.

– Кто здесь?

Я устремляюсь ко входу в тоннель, но никого не вижу. Странно, у меня ощущение, будто за мной наблюдают. Прихватив чемоданчик, я сажусь на пол, опираюсь спиной о стенку и принимаюсь одну за другой подбирать комбинации. Спустя полчаса на числе 348 раздается характерный щелчок. Я открываю чемоданчик. В нем нет ничего, кроме серого жесткого вкладыша из пенопласта, предназначенного для того, чтобы удерживать предмет, который, со всей очевидностью, теперь отсутствует, но по форме выемки я тотчас же понимаю, что это было.

Огнестрельное оружие.

* * *

Раскрытый чемоданчик лежит на столе, где установлен наш приемопередатчик. Оппенгеймер с такой силой приглаживает назад свои каштановые волосы, что его веки оттягиваются к вискам.

– Что это значит?

– Что где-то здесь, под куполом, наверняка есть оружие, – откликается док Уотсон.

– То есть ты хочешь сказать, что кто-то из нас прячет ствол?

Уотсон не отвечает. Пэтиссон поднимает глаза на Джонсона:

– НАСА, несомненно, в курсе. Учитывая проверки, которые мы прошли в аэропортах, никто из нас – это очевидно – не мог привезти сюда оружие. Чемоданчик был здесь до нашего прибытия. Пустой или нет – это ты нам скажи. Ты начальник. Тебе известно что-то, чего мы не знаем?

Внутри купола мрачно и холодно. Наши лица освещает только гирлянда светодиодных лампочек. Оборудование в сумерках напоминает таинственный театр теней. Все внимательно вглядываются друг в друга. С тех пор как мы прибыли, каждый регулярно заходит в Литл-Бокс. Любой из нас мог взять это оружие. Джонсон кивает в сторону Оппенгеймера:

– Представь себе, я вообще не в курсе, НАСА говорит мне далеко не все. Но первым сюда прибыл ты. Ты был здесь на несколько часов раньше остальных.

– Ну и?..

– Может, ты решил совершить экскурсию в Литл-Бокс. Тебе этот чемоданчик ни о чем не напоминает?

Напряжение резко усиливается. Оппенгеймер уже готов схватить американца за грудки, но между ними встает доктор Уотсон:

– Не стоит нервничать, это ни к чему. Мы должны доверять друг другу во что бы то ни стало. Совершенно очевидно, что никакой пушки ни у кого нет. Да и зачем нам оружие на научной базе? Но чтобы исключить любые подозрения, предлагаю заглянуть в каждую спальню. Кто-нибудь возражает?

Вглядываясь в лица, я понимаю, что все мы одинаково удивлены и напуганы моей находкой. Пэтиссон нажимает на кнопку передатчика и склоняется к микрофону:

– Пэтиссон – Льюису. 19:02. Жуано обнаружил пустой чемоданчик, спрятанный в Литл-Боксе. Прежде в нем было оружие. Кто его туда положил? Что это значит? Конец связи.

В ожидании ответа мы поднимаемся в мезонин. Под взглядами товарищей каждый проявляет добрую волю. Начинаем с моей комнаты. Матрас поднят, шкаф открыт, вся одежда вынута. В последней спальне Смит, вспыхнув под козырьком своей бейсболки, подхватывает трусики, валяющиеся возле кровати Джонсона. Все немного расслабляются.

Потрескивание, бип-сигнал, мы устремляемся вниз и собираемся перед зажегшимся экраном. Сейчас 19:50. Появляется Льюис. Качество картинки по-прежнему очень посредственное – низкое разрешение из-за пропускной способности, – однако мы видим его лицо, все такое же угловатое и замкнутое.

– Льюис «Ахерону II». 19:28. Нам неизвестно, откуда появился этот чемоданчик. НАСА не доставляло оружие на базу. Мы ведем собственное расследование. Продолжайте работу. Конец связи.

Экран погас. Помрачневший Оппенгеймер меряет комнату шагами:

– Это в контракте не прописано. Этого в контракте нет. Льюис лжет. Как он может не знать, что именно находится на базе, которой он руководит? Ему что-то известно. Ему наверняка что-то известно.

Ужин проходит в молчании, сублимированный тунец и брокколи не лезут в горло. Уотсон, которая всегда старается снизить напряжение, пытается убедить коллег, что чемоданчик был пуст задолго до прибытия первого из нас. Пэтиссон откидывается на стуле:

– Мы «Ахерон II». Прежде чем оказаться здесь, я искала везде, но никогда не слышала про «Ахерон I». А вы?

Над нашим круглым столом повисает молчание. Пэтиссон выпрямляется, упершись ладонями в стол по обе стороны от пустой тарелки. Коса у нее на спине извивается, как змея.

– Каждый из нас мог бы составить длиннющий список подобных баз по всему миру. Но кто знал, что существует некая база НАСА в пустыне Атакама?

– Никто не знал, – откликнулась Смит. – Насколько мне известно, она никогда не упоминалась ни в официальных документах НАСА, ни в Интернете. Ее не существует.

– Если ее не существует, значит и нас тоже.

Все почувствовали ледяной холодок в груди. Мы силимся хоть что-нибудь понять, выдвигаем гипотезы, но ответа нет ни у кого. Оппенгеймер опять начинает потеть. Уже поздно, все напряжены, пора заканчивать ужин. Док Уотсон и Пэтиссон возвращаются к своему химическому столу, остальные поднимаются к себе в спальни. Посреди темной пустыни купол становится похож на мрачное святилище.

В ту ночь мне не удастся сомкнуть глаз, и я не свожу их с закрытой двери. Полная тишина, я едва улавливаю гудение системы переработки и очистки воздуха. В три пятнадцать я слышу потрескивание пола и шаги по лестнице. Я тихонько встаю. Массивная тень Оппенгеймера движется в сторону кухни. Я различаю звук поворачиваемого крана, слышу, как льется вода на дно пластикового стаканчика. Попив, немец осторожно возвращается. Я поспешно ныряю под одеяло.

Чтобы лучше представить себе, как я без комбинезона выхожу из купола и ору так сильно, как только могу, я прикрываю глаза. Кто здесь услышит мой крик? Я вспоминаю слова, написанные на внутренней стороне ремешка моих часов: *Жизнь всего лишь иллюзия*. А правда, была ли миссия «Ахерон I»? Если да, то что стало с экипажем? Почему мы никогда о ней не слышали? Возможно ли, чтобы один из нас имел оружие, выданное НАСА? С какой целью? Почему нам хотят зла? Впервые после прибытия в купол мне страшно.

День 42-й

Всем привет.

Взгляд на мир 21 августа 2016 года.

Турция: нападение смертника унесло по меньшей мере пятьдесят жизней.

Калифорния: самые опустошительные пожары в истории штата уничтожают тысячи гектаров леса.

Брекзит: падение фунта стерлинга, европейская экономика идет ко дну.

Мадагаскар: на пляже обнаружены тела двух убитых молодых французов.

За первые шесть месяцев 2016 года арктические льды показали рекордное таяние.

До завтра, команда.

Бортовой журнал, день 50-й

Дорогой журнал,

прошло две недели после того, как я обнаружил чемоданчик в Литл-Боксе. Пятнадцать дней я все думал о морском горизонте – и я не могу сказать, близко он или далеко. Наши дни так похожи один на другой, что мне кажется, будто я утратил ощущение времени. Одни и те же, простирающиеся в бесконечность красные земли, их видно в иллюминаторы, одни и те же лица вокруг меня. Я знаю точное количество ступенек на лестнице, ведущей в мою спальню, количество шагов между общей комнатой и кухней. Едва заслышав звук шагов на беговой дорожке, я догадываюсь, кто бежит – Смит или Пэтиссон. Только утренние сообщения и обмен электронными письмами с близкими нарушают удушающее однообразие.

Назавтра после страшной находки Джонсон настоял, чтобы чемоданчик отнесли на место и больше к нему не прикасались. Несмотря на наши напоминания, референт НАСА так и не вернулся к этой «проблеме». Мы со своей стороны приняли решение не вспоминать об этом эпизоде. Я продолжаю думать, что правильно поступил, ничего не сказав Элен о своей находке. Она так далеко. Что бы она могла сделать? Так зачем же волновать ее понапрасну?

Короче, мы стараемся делать вид, что ничего не было, продолжаем работу, шутим, занимаемся спортом на беговой дорожке или велотренажере, стряпаем – но что-то сломалось. Сидя на своих рабочих местах, мы стараемся не встречаться взглядами – а это о многом говорит. Все друг друга подозревают.

По ночам Оппенгеймер по-прежнему беседует сам с собой. Я слышу его низкий голос, потому что наши спальни находятся рядом. Вчера я видел, как он обращается к фотографии, на которой изображен его двенадцатилетний сын Элиот. Думаю, именно немец скучает больше всех. Мы здесь пока меньше двух месяцев, а кажется, что все десять.

До скорого.

День 52-й

Моя очередь запереться в боксе сингулярности, пришло письмо от Элен. Я открываю его, и появляется фотография нашего сына. Скоро ему два месяца, на его головке пробивается пушок черных, как у меня, волос. У него ангельская улыбка. Жаль, что качество плохое и не позволяет мне рассмотреть цвет его радужки, нежность его кожи, четкий изгиб его бровей.

From: HeleneJoisneau@free.fr

To: MarcJoisneau@acheron_nasa.com

Сокровище мое...

Я прерываю чтение. «Сокровище» – это наше с Элен кодовое слово. Когда она пишет «дорогой», мне нечего читать между строк в ее письме. Но если она начинает со слова «сокровище», значит собирается сказать мне что-то важное и не хочет, чтобы это стало известно НАСА. Мы оба подозреваем, что наши послания тщательно просматриваются Льюисом или каким-то другим агентом. Бокс сингулярности всего лишь позволяет уединиться от других членов команды, но уж точно не от Агентства, которое следит за всем. Придуманная мной и Элен перед моим отъездом система проста: все

слова, составляющие тайное послание, надо отделять двойным пробелом.

Разумеется, я должен себя контролировать. Датчики... Едва заметный скачок сердечного ритма, выброс адреналина могут выдать меня. Так что я читаю очень внимательно, выискивая двойные пробелы:

Через два дня приедет мама, чтобы побыть со мной и Натаном. (Двойной пробел.) Два человека (двойной пробел), которые следят за ее здоровьем, отпускают ее в мои добрые руки точно так же, как я отпускаю тебя в добрые руки людей (двойной пробел) из (двойной пробел) НАСА (двойной пробел). Наши дни обещают быть загруженными – ты ведь знаешь, что время, проведенное с моей мамой, всегда богато приключениями и новыми поворотами, но все будет хорошо! Мои родственники уже так давно не (двойной пробел) приезжали (двойной пробел) к нам (двойной пробел) домой (двойной пробел). Мы пойдем (двойной пробел) сфотографировать (двойной пробел) Натана (двойной пробел) в парк, я постараюсь послать тебе хороший снимок. Ты пишешь, что, несмотря на размер, который я максимально сокращаю, по-прежнему получаешь от меня фотографии в плохом качестве. Почему – не знаю. Я уже пробовала (двойной пробел) и так, и этак (двойной пробел), но я не специалист в этом деле.

Я думаю о тебе каждую минуту. Мои подруги говорят, что у Натана твои глаза, так что, глядя на него, я как бы вижу тебя. (Двойной пробел) Не понимаю, почему (двойной пробел) тебе не разрешают послать мне свою фотографию. Я очень скучаю по твоему лицу. Каким ты ко мне вернешься? Кстати, а как вы стрижетесь? Все эти мелочи жизни должны сильно усложняться там, где вы находитесь...

Надеюсь (двойной пробел), эти люди (двойной пробел), с которыми ты проводишь каждую минуту своего времени, смогут выдержать эти оставшиеся длинные месяцы изоляции. Из-за тех мелких ссор, о которых ты упоминаешь, некоторые твои товарищи

(двойной пробел) меня (двойной пробел) пугают (двойной пробел). Особенно этот немец, что разговаривает сам с собой. Ты говоришь, что у Джонсона шашни со Смит? Закрой двоих американцев в одной комнате, они непременно... В любом случае, надеюсь, они не слишком шумят (хи-хи).

Целую тебя много-много раз, люблю.

Элен

Пока я читал, у меня сжималось горло, но дышу я ровно. А вот и секретное послание: *«Два человека из НАСА приезжали к нам домой, чтобы сфотографировать Натана и так, и этак. Не понимаю почему. Эти люди меня пугают».*

Неслыханно... Это еще что такое? Почему они это делают? Мне хочется бежать к приемнику-передатчику и требовать ответа у Льюиса. Чем мой новорожденный сын может заинтересовать НАСА? Зачем им эти фотографии? Что они затевают за моей спиной?

Ненавижу эту ситуацию; я совершенно беспомощен, изолирован в своем пузыре посреди пустыни. Если я отправлю Льюису сообщение по поводу визита, он спросит, как я узнал, и наша с Элен тайна неизбежно будет раскрыта. Они обнаружат нашу систему кодирования.

Я не мог заснуть и думал всю ночь. Психологи из НАСА прежде уже много раз приходили к нам домой для составления своих выборок. Иногда во время их расспросов рядом со мной находилась жена. Бывало, они опрашивали ее одну. Элен тоже получила свою долю нескромных вопросов. «Сможете ли вы вынести отсутствие мужа? Поддерживаете ли вы мужа в его поступках? Готовы ли вы отпустить его на Марс ради блага человечества?»

Но с чего вдруг через полтора месяца эти люди опять пришли к нам домой, когда миссия уже вовсю работает? Зачем им фотографии моего сына?

На следующий день по время ежедневного анкетирования, проводимого НАСА, на меня из передатчика в боксе сингулярности

градом сыплются вопросы: «Почему вы плохо спали? Вас что-то тревожит? Что вы хотели бы узнать о внешнем мире?» Они пытаются влезть ко мне в голову. От их вопросов стресс у меня только усиливается, и им это известно. Я вру им, как только могу, нахожу объяснения, даю понять, что чемоданчик по-прежнему меня беспокоит и мешает хорошо спать.

Но разве можно лгать НАСА?

Позже при помощи нашего тайного кода в ответном письме я тоже посылаю Элен тайное сообщение. Я говорю ей, чтобы она не беспокоилась. Прошу в очередном письме ясно написать, что накануне к ней приходили люди из НАСА, чтобы сфотографировать Натана. Агентству ведь может показаться подозрительным, что Элен не сообщает мне об этом событии. В своей переписке мы должны оставаться как можно более естественными. Говорить все, и не важно о чем, – как делают супруги, которым нечего скрывать друг от друга.

Ответ моей жены приходит спустя четыре часа. И нигде ни слова о том визите.

У меня поднимается давление, сердце колотится. Я закрываю свой аккаунт и, проходя мимо коллег, пытаюсь выглядеть спокойным. Надеваю спортивный костюм и иду побегать по дорожке – чтобы скрыть беспокойство и одновременно генерировать свою квоту электроэнергии. Или Элен плохо поняла смысл моего сообщения, или НАСА модифицирует сообщения, которые мне отправляет жена.

В своих рассуждениях я захожу еще дальше: а что, если и мои сообщения тоже были подретушированы? И НАСА химичит в обоих направлениях, чтобы соблюсти связность нашей переписки? Добавляет или удаляет что-то по своему желанию, убирает слишком точные данные, которые могли бы поставить миссию под угрозу? По своему усмотрению формирует мое представление о внешнем мире и о моей семье? Мы здесь будто в пещере Платона^[5]: вполне возможно, что наше видение внешнего мира не соответствует реальности. Как знать?

Из маленькой комнатки я наблюдаю за коллегами, которых вижу сквозь щель. Смит и ее осциллограф, Оппенгеймер и его электронные цепочки... Они сосредоточены на своей задаче, на своей миссии. Неужели они тоже обмануты и ими тоже манипулируют? В какой степени?

День 54-й

Мое секретное послание: «Они читают и модифицируют наши письма. Будь осторожна».

Ее секретный ответ: «Принято. Зачем они это делают?»

День 55-й

Мое секретное послание: «Не знаю. Будь повнимательней, разноси подальше последовательности скрытых слов. Слишком заметно».

Ее секретный ответ: «Хорошо. Все это ненормально. Тебе надо бы прервать командировку».

День 56-й

Мое секретное послание: «Все в порядке, командировка проходит нормально. Ты знаешь, где мы находимся?»

Ее секретный ответ: «Гавайи».

День 57-й

Мое секретное послание: «Я тебе рассказывал про несчастный случай с матерью Пэтиссон?»

Ее секретный ответ: «С ее матерью? Несчастный случай? Нет, никогда».

День 58-й

Мое секретное послание: «Узнай про несчастный случай с матерью Пэтиссон. Живет в Голуэй».

Ее секретный ответ: «Хорошо. Завтра скажу».

День 59-й

Ее секретный ответ: «Никакого несчастного случая не было. Говорила с ней по телефону. Она в отличной форме».

День 60-й

3:50 утра. Оппенгеймер только что попил воды, поднялся к себе и улегся в постель. Ужасная ночь, как и все остальные. Переборки давят на меня, сверху валится наклонный потолок, мне все чаще кажется, что я задыхаюсь, будто нахожусь в закрытом гробу. Снаружи дует сильный ветер, крупные частички пыли скребут по куполу, словно когти чудища, вылезшего из глубин ада, чтобы забрать нас.

Я мерзну, свернувшись калачиком под несколькими одеялами. Этот постоянный холод обволакивает нас каждую ночь с тех самых пор, как мы прибыли сюда.

Пэтиссон... Поверить не могу, что она могла соврать нам про несчастный случай с матерью. Зачем она это сделала? Чтобы сойти за жертву? Чтобы ее ни на секунду не заподозрили в том, что у нее есть оружие?

Я все прокручиваю в памяти эпизоды нашего выхода из купола на двадцать пятый день. Вспоминаю ее бледное лицо, охвативший ее в пещере страх и этот запотевший плексиглас щитка ее шлема. Как можно симулировать такую тоску?

А если она не солгала, значит это проделки НАСА. *Они* изменили сообщение, отправленное ей сестрой, чтобы добавить в него это чудовищное известие. Но тут опять что-то не сходится. Мне проще представить их стирающими сообщение о смерти, чем создающими подобную историю во всех подробностях. Что им за интерес вынуждать шотландку покинуть миссию?

6:55. Я встаю, натягиваю джинсы и футболку с логотипом НАСА и бросаю взгляд в иллюминатор над лестницей. Тяжелое серое небо,

будто еще одна ночь. Проклятая каманчака распростерлась над пустыней; так мы рискуем не увидеть солнца даже днем. Мерзкое ощущение, будто ты рыба в банке, стоящей в глубине подвала.

Как обычно, док Уотсон первая на посту – и последняя уходит спать. После визита в бокс сингулярности на ее губах часто играет улыбка: она помолвлена и должна выйти замуж, когда вернется в Сидней. Она снова усаживается работать над своим проектом, в котором она душой и телом: изучает, как печатать на 3D-принтере хирургические инструменты и как ими пользоваться ее напарникам, в данном случае нам, следуя на расстоянии инструкциям хирурга. На Марсе каждому сотруднику необходимо будет уметь прооперировать своего товарища.

Следом за ней появляется Пэтиссон и идет готовить завтрак. По радио циклом с семи до восьми утра передают новости.

Всем привет.

Взгляд на мир 8 сентября 2016 года.

Сирия: при авиаударе погиб лидер повстанцев.

Европа: беспрецедентный наплыв беженцев и мигрантов.

В первый день недели моды в Нью-Йорке звездой стала молодая манекенщица, облитая кислотой.

За двадцать лет исчезли 10 % пустошей.

Массовое убийство в лицее в Новом Орлеане. Тридцать один погибший.

До завтра, команда.

Когда звучит голос, экран остается темным. Голос очень юный и нежный, я представляю себе молоденькую дикторшу, которая читает дневные новости перед микрофоном НАСА. Интересно, она знает, к кому обращается? Кто составляет список новостей для передачи нам? Я подхожу к Пэтиссон. Она сыплет в большую миску муку, соль, сухое молоко и яичный порошок.

– Никогда еще не делала так блинчики: из одних сухих ингредиентов. Посмотрим, что получится.

Я приношу ей большую кастрюлю воды и киваю в сторону приемника:

– Почему мы никогда не слышим хороших новостей? Ведь должны же они быть, разве нет? Олимпийские игры, например, – они прошли этим летом. Кто завоевал медали? А научные достижения, мир во всем мире? С нашего прибытия нам рассказывают только о покушениях, о гибнущей природе, о безумцах, которые режут и убивают. Но в мире же не только это происходит.

Она поднимает голову от своей стряпни, убеждается, что нас никто не слышит:

– Ты что, до сих пор не понял? Если бы все было к лучшему в нашем лучшем из миров, в чем бы тогда был смысл нашей миссии? Зачем тогда мы нужны? Когда ты слышишь, что там происходит, ты что, хочешь вернуться домой и продолжать жить своей маленькой жизнью?

Она методично добавляет воду и принимается сбивать ингредиенты венчиком.

– Мы живем в реальности, где страх надо поддерживать, – и здесь тоже, – продолжает она. – Именно страх толкает нас на то, чтобы вкладывать еще больше сил в выполнение задачи. Если мы устоим перед этим страхом, значит мы правильные кандидаты, те, кто сумеет осуществить еще более масштабные миссии. Например, отправиться на Марс. Я все время думаю об этом, и у меня появилась мысль, объясняющая присутствие чемоданчика...

– А что, если НАСА специально спрятало его в Литл-Боксе? Просто чтобы напугать нас?

Она кивает:

– А по мне, так и не было никакого оружия. Только намек на него. Выемка в пенке в форме оружия. Некий тест, чтобы оценить наши реакции, нашу способность адаптироваться, продолжать совместную жизнь, доверять друг другу и довести миссию до завершения. Всего

лишь психологический маневр. Никто не сдался, никто не попытался отвалить. Понимаешь?

Ее теория кажется мне такой логичной, что я на некоторое время лишаюсь дара речи. А что, если НАСА сообщило ей о смерти матери, чтобы протестировать ее психологическую устойчивость? Разве на Марсе, более чем в пятидесяти пяти тысячах километров от Земли, возможны иные варианты, кроме как принять ужасные новости? Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что моя гипотеза имеет право на существование. Объявление о смерти было сделано именно в тот день, когда Пэтиссон предстояло отправиться в первую разведку за пределы купола. Если в тот момент она не сдернула шлем, если вследствие этого страшного известия не запустила аварийную процедуру, тогда для НАСА она идеальная кандидатура.

Тесты. Гнусные тесты. Но даже если так, чье больное воображение способно заставить человека поверить, что его мать умерла? Знает ли об этом Льюис? Ему это зачем-то нужно? И как во время будущих сеансов связи отличить правду от лжи?

Я направляюсь за тарелками и кружками – просто чтобы занять руки. Я не знаю, что делать. Должен ли я, рискуя раскрыть систему наших с Элен тайных кодов, сообщить Пэтиссон, что ее мать жива? А если она во время проведения опроса скажет об этом представителю НАСА? Я возвращаюсь к ней, так и не приняв решения. Она украдкой поглядывает в сторону основного помещения.

– Я доверяю только тебе одному, – продолжает она. – Когда мы были в пещере, ты не дал мне провалить миссию и никому об этом не рассказал... – Теперь Пэтиссон говорит еще тише: – Так вот, они дали мне поручение навести о тебе справки. В боксе сингулярности, во время опроса...

У меня сжимается горло.

– Что они хотят знать?

– Почему ты так встревожен. Ты плохо спишь, у тебя стресс, и они думают, что это не только из-за того чемоданчика. Ты дольше всех

остаешься в боксе сингулярности, это их настораживает. Если у тебя есть какие-то личные, интимные проблемы, я об этом знать не желаю, и уж тем более рассказывать об этом им. Разумеется, я хочу добиться успеха в своей миссии – прежде всего ради моей работы и моего профессионального уровня. Но я не доносчица и не шпионка. Ну вот, теперь ты все знаешь.

Я благодарю ее за искренность. Когда в кухню входит Джонсон и здоровается с нами, мы молчим. Он потягивается, наливает себе чашку холодного кофе и заявляет, что, судя по погоде, нам следует экономить электричество, а значит, блинчики, к его огромному сожалению, придется отложить до другого раза. Когда, прихватив чашку, он уходит, я расставляю тарелки и, глядя на Пэтиссон, опять застываю в нерешительности.

– Что? – спрашивает она. – Ты что-то хочешь мне сказать?

– Нет-нет, ничего.

Я выхожу из кухни. Я никому не доверяю, даже ей.

Бортовой журнал, день 63-й

Дорогой журнал,

у нас третий день каманчаки. Постоянное присутствие облаков опустошило более 90 % основных батарей, соединенных с солнечными панелями. Ограничение потребления электричества, Джонсон хочет на случай крайней опасности как можно дольше не прикасаться к водородным батареям. Это означает, что в данный момент никакого бойлера, холодный душ, холодный суп и потребление ресурсов исключительно для нужд наших лабораторий. Крутая перебранка между Оппенгеймером и Джонсоном, они едва не подрались.

Настроение команды – хуже некуда.

Бортовой журнал, день 67-й

Дорогой журнал,

солнце наконец-то вернулось! И очень вовремя, потому что атмосфера сделалась прямо-таки отвратительной, условия жизни очень усложнились. Так странно: психологически мы и правда ощущаем себя на Марсе. Объяснить это трудно, я ведь знаю, что это не так, но на какое-то мгновение я подумал, что мы действительно скоро умрем, если наши батареи опустеют: никакого переработанного воздуха, никакого кислорода! А ведь мы на Земле, и кислород здесь повсюду снаружи... Вот это, наверное, и называют психологической обработкой.

Короче говоря, наконец-то первый за шесть дней горячий душ – ты вообразить не можешь, до чего это приятно. Вкусный кофе. Я видеть не могу пакетированный суп.

На лица возвращаются улыбки. Ну, вернее, на те, которые обычно улыбаются...

Бортовой журнал, день 70-й

Дорогой журнал,

сегодня день наполнения резервуара водой, накануне последние тридцать литров были перелиты в три канистры. Джонсон попросил нас закрыть пять иллюминаторов, расположенных на округлой стене купола, чтобы мы не имели никакого контакта с выполняющими эту процедуру служащими.

Около девяти часов мы услышали шум двигателя, хлопанье дверей, а потом звук работающих насосов.

Я хотел незаметно выглянуть. Пока Джонсон отправлял сообщение Льюису, я у себя наверху слегка отодвинул шторку иллюминатора. И разглядел какой-то большой внедорожник с прицепленной к нему цистерной. Затем двоих людей в таких же космических комбинезонах, как наши. Они произвели все свои манипуляции так, как если бы тоже участвовали в имитационном эксперименте марсианской миссии. Я ничего никому не рассказал, но мне это показалось странным. Льюис говорил о какой-то внешней

команде обслуживания. Тогда почему обыкновенные парни, которые наполняют резервуар водой, носят такую экипировку?

В 9:45 резервуар был залит под завязку. Мы торжественно отметили это, съев по помидорке черри, которые я вырастил из своих культур. Каждому досталось только по одной, но ты не можешь себе представить, какую гордость я ощутил оттого, что создал пищу при помощи штаммов бактерий и различных элементов наших органических отходов! В этом случае действительно можно говорить о стопроцентной биопродукции! До завтра!

День 77-й

Сегодня утром никакого «Взгляда на мир». Радио молчит. Впервые за два с половиной месяца женский голос не сообщает ежедневных ужасов. Джонсон нажимает на кнопку и склоняется к микрофону:

– 8:36. Джонсон – Льюису. Куда делся очаровательный голос, который скрашивает наши суетные утра?

Проходит час, экран по-прежнему темный. Джонсон повторяет вызовы, его лицо становится все более встревоженным. Мы еще можем отправлять из бокса сингулярности электронные письма, только вот уходят ли они? Ни один из нас ответа не получает. Больше не приходят опросники НАСА. Часть дня Оппенгеймер ищет поломку, внимательно исследует передатчик, реле антенны, ее передающую способность и заверяет, что с нашей стороны все функционирует. Значит, возможно, у НАСА возникла какая-то техническая проблема.

Мы решаем, что этот ляп скоро будет устранен, и возвращаемся к работе.

Вечером по-прежнему ничего. Раз за разом все по очереди изучают свой аккаунт в боксе сингулярности. Почтовый ящик остается безнадежно пустым. Как и остальные, я провожу беспокойную ночь – меня тревожит мысль, что Элен не получила моего письма и волнуется.

Назавтра, в семь утра, все сгрудились вокруг передатчика. По-прежнему молчание. Оппенгеймер размышляет, не пропустил ли он чего-нибудь. Дефектная печатная плата? Плохое состояние кабеля? Проблема с электричеством? Своими вольтметрами, амперметрами и омметрами он один за другим тестирует электронные составляющие системы приема/передачи. И продолжает разговаривать сам с собой. Его раздражает, если кто-нибудь приходит спросить: «Ну что?»

После долгих часов поисков он с озабоченным видом возвращается к нам:

– Что-то от меня ускользает. Я измерил мощность излучения нашей антенны. Она представляется мне слишком слабой, чтобы транслировать сообщения между НАСА и нами. Иначе говоря, поскольку мы в пустыне, нам необходимо гораздо больше мощности, чтобы нагрузить первую антенну, способную передать наш сигнал.

– Значит, проблема идет от нас? – спрашиваю я.

Оппенгеймер пожимает плечами:

– Не знаю. Я не зафиксировал ни падения мощности, ни нарушения работы – вообще ничего. Так было всегда.

– В таком случае, видимо, где-то неподалеку находится другая ретрансляционная антенна.

– В пустыне? Невозможно, но допустим. Хотя есть одна странная штука. Наша антенна настроена на передачу гораздо большего сигнала. Можно подумать, ее намеренно ограничили. Понимаешь, это как если бы тебе дали ключи от огромной виллы и сказали, что ты можешь пользоваться только гостиной. Спрашивается – зачем? Понятия не имею, и меня это раздражает. При этом я почти уверен: неполадка исходит не от нас.

Оппенгеймер ненавидит, когда он не понимает, в чем проблема. Вечером второго дня в боксе сингулярности он так молотит кулаком по столу, что трясется экран приемопередатчика.

– Что нам делать, если мы больше не получаем никаких известий? Остаться в пузыре и ждать, когда за нами приедут? А если не

приедут? Мы черт знает где – возможно, в сотнях километров от любых следов цивилизации, так что нам делать?

– Не стоит нервничать, – спокойно замечает ему Смит. – На Марсе ты будешь еще дальше.

– Ага, только мы не на Марсе, о'кей? Мы не на Марсе.

Он тычет пальцем в сторону шлюза:

– Хочешь, я выйду, чтобы доказать тебе это? Ага, я выйду как есть, в футболке, и сделаю большущий глоток воздуха. Вот и посмотрим, на Марсе мы или нет. Будь мы на Марсе, у нас была бы гораздо более мощная антенна.

Он направляется к шлюзу. Стиснув челюсти, Джонсон преграждает ему путь:

– Ты не выйдешь.

Мужчины стоят лицом к лицу. Руки Оппенгеймера со сжатыми кулаками опущены.

– Почему это я не выйду, шеф? Что ты сделаешь, чтобы удержать меня?

– Все, что потребуется. Меня выбрали для того, чтобы довести миссию до конца. Я не позволю тебе выйти.

Все чувствуют, что взрыв неизбежен.

Подняв руки в примирительном жесте, Пэтиссон протискивается между двумя мужчинами:

– Они правы, Карл. Не стоит нервничать. Это, наверное, еще один из их тестов.

– Твоя пресловутая теория страха? Оружие, которое не является оружием. А теперь вот еще и поломка, которая не является поломкой.

– А почему бы и нет? Давайте переждем. И продолжим работу. В конце концов, на что нам это радио? Плохие новости, рожа Льюиса, который швыряет нам приказания с любезностью агента КГБ. Ресурсов у нас хватит на много недель, полный резервуар воды, мы начали производить свои собственные продукты. Наши семьи знают, что мы в пустыне Атакама. Если они перестанут получать от нас

известия, то сделают, что полагается. Связь вернется, я в этом уверена.

Оппенгеймер дает уговорить себя и утихает. Я наблюдаю за возвращающимся в купол Джонсоном. Мы все видели его лицо, его черные глаза, мы все слышали, как он ледяным голосом сказал: «Все, что потребуется». И в моем воображении тотчас же возникает пустой чемоданчик, найденный в Литл-Боксе. Мы с Пэтиссон обмениваемся многозначительными взглядами. Она думает о том же, о чем я – и, разумеется, все остальные: у Джонсона есть оружие.

К счастью, моя коллега-биолог оказалась, как всегда, права: спустя трое суток, утром восьмидесятого дня, связь была восстановлена. В кратком коммюнике Льюис довел до нашего сведения, что НАСА подверглось масштабной хакерской атаке и что из соображений безопасности они были вынуждены изолировать целостность своей информационной базы. Оппенгеймер нажимает на кнопку и резко бросает:

– При всем моем уважении к вам, Льюис, какая, к черту, хакерская атака! Объясните нам лучше, как это возможно, чтобы мы с вами могли общаться через антенну с передающей способностью как у радиации? Как наши сообщения, посланные из этой пустыни, могут доходить до вас?

Напрасно Оппенгеймер ждал ответов на свои вопросы, в тот день экран больше не загорался.

День 92-й

Сегодня 9 октября, ровно три месяца, как родился Натан. При своих шестидесяти двух сантиметрах он весит уже пять килограмм семьсот грамм. Со слов педиатра, Элен сообщает мне, что он почти в пределах нормы. Я склоняюсь к экрану, чтобы рассмотреть его слегка размытое лицо. До чего же быстро он растет...

Три нескончаемых месяца, в течение которых я еще не имел возможности прикоснуться к нему, вдохнуть его запах. Мой сын даже не знает звука моего голоса. Как он отреагирует, когда увидит

меня собственной персоной? Сейчас я испытываю глубокую грусть. Я пускаю слезу и в который раз говорю себе, что приношу эту жертву ради него. Однажды он будет гордиться своим отцом.

Выдвинутая Пэтиссон теория страха превращает нас всех в параноиков. Как и отсутствие ответов Льюиса на беспокоящие нас вопросы. Бывают дни, когда наш контакт в НАСА не подает ни малейших признаков жизни. Зато каждое утро продолжают поступать плохие новости. У меня впечатление, будто весь мир, кроме купола, горит в огне и утопает в крови.

Эта параноя приводит к тому, что вот уже несколько дней я тщательнейшим образом изучаю полученные имейлы. Поскольку наши сообщения модифицируются, кто может мне подтвердить, что все слова, которые я читаю, действительно написаны Элен, а не НАСА? Когда я читаю, что Натан болен или что у него рост шестьдесят два сантиметра, – это на самом деле так или это их новая ложь? И что мне доказывает, что моя жена, в свою очередь, получает именно те письма, которые я ей посылаю?

Поэтому посредством наших тайных сообщений мы договорились применять систему, с большой вероятностью гарантирующую, что текст, написанный одним, тот же самый, что получает другой. Мы условились в каждом письме непременно пятнадцать раз использовать глагол «быть», трижды наречие «хорошо» и двенадцать раз союз «и». Это количество я вывел из чтения наших первых писем, вычислив среднее. Такой метод несколько усложняет процесс письма, зато у нас будут хотя бы какие-то ориентиры.

Система великолепно функционирует. В последующие дни я замечаю, что НАСА не модифицирует наши письма, если мы не затрагиваем стратегически важных тем. Но если я рассказываю о пустыне Атакама или о гигантской поломке информационной системы НАСА (кстати, согласно справкам, которые навела Элен, никакой поломки никогда не было), количество кодовых слов не соблюдается.

Я как-то даже возгордился, что мне удалось обвести их вокруг пальца. Элен – моя единственная настоящая связь с реальным миром, связь, которая позволяет мне заглянуть за горизонт. Очень важно, чтобы мы могли обмениваться достоверными сведениями. Важно и для нее, и для меня.

День 113-й

Сегодня третий выход из купола. Температура повысилась, дни стали длиннее, а это означает, что у нас больше солнечной энергии, а значит, доволен Джонсон. Небо такой синевы, какую я редко где видел, такое яркое, что кажется, будто над далекой грядой вулканов оно становится лиловым. Ни один след от самолета не нарушает ощущения его бесконечности. Мне кажется, будто я один во всем мире.

Мы со Смит двигаемся вдоль каньона, в тринадцати километрах четырехстах метрах от базы. Солнце яростно лупит по белой ткани наших комбинезонов и плексигласу шлемов. Физичка хочет собрать разные виды камней, в частности образцы, на которые не попадают солнечные лучи. Я привожу ее в знакомую пещеру, которую мы обнаружили вместе с Пэтиссон. У меня еще не было случая вернуться туда, так что я рассчитываю воспользоваться этим и изучить ее глубины.

Смит щипцами откалывает красноватые кусочки и кладет их в металлическую банку. Я тем временем углубляюсь в темноту, пригибаюсь, чтобы пройти под нависающими коричневыми скалами. Справа над одним уступом я замечаю какую-то неподвижную форму. Подхожу ближе и прищуриваюсь: трупик саламандры. Уже видна крошечная черепная кость. Белая кожа измялась и ссохлась, как пергамент.

Я перевожу взгляд на другие сверхъяркости, обнаружившиеся в свете боковых фонарей моего шлема. По мере моего продвижения растет количество саламандровых скелетов. Некоторые так и остались в щелях, высохли на месте. Другие раскололись на земле,

как если бы упали с потолка уже мертвые. Камень изукрашен мелкими пурпурными пятнышками. Я перемещаюсь внутри могильника. Внезапно Смит вцепляется мне в руку. Я вижу за щитком ее лицо, мрачное, как затмение. Она не отрываясь смотрит в бездонную глубину раскрывающейся перед нами пещеры. Светильники не пробивают насквозь этот огромный тоннель, откуда как будто бы вырывается сквозняк: я чувствую, как мне в щиток дует ветер.

– Здесь как в аду, – говорит Смит. – Давай-ка свалим отсюда.

Она медленно разворачивается и отправляется в обратный путь. Я поступаю так же.

Оказавшись снаружи, она в отчаянии бросает свою жестяную банку, та раскрывается, и из нее высыпаются собранные несколько минут назад камешки. От яркого света зрачки голубых глаз Смит становятся крошечными, как булавочные головки. Мы возвращаемся к нашему транспортному средству. По дороге я спрашиваю, есть ли у нее какие-нибудь соображения насчет того, что могло случиться с саламандрами. Болезнь? Вирус? Что-то еще?

– Понятия не имею, – отвечает она. – Но это ужасно, и лучше нам не приносить эти камни в купол.

Бортовой журнал, день 120-й

Дорогой журнал,

спустя неделю после нашей жуткой находки в гроте Уотсон и Джонсон пешком исследовали окрестности базы. И менее чем за час обнаружили в тени скал еще девять засохших, обуглившихся на солнце трупов саламандр. Один из них находился всего в нескольких метрах от наружных стенок Литл-Бокса.

Джонсон приказал ни к чему не прикасаться и изложил проблему Льюису. Учитывая нашу находку в гроте, более чем в тринадцати километрах отсюда, Уотсон не видит иной причины, кроме вируса или бактерии, способной быстро распространяться и в рекордные сроки истреблять популяцию саламандр. Что-то вроде птичьего

гриппа, версия зверушек пустыни. Уотсон информирует нашего референта, что надо бы оповестить санитарные службы страны. Льюис не желает ставить миссию под угрозу. Поэтому предлагает прекратить выходы и оставаться взаперти в куполе до нового распоряжения. И просит Джонсона следить за тем, чтобы его рекомендации соблюдались: больше никаких разведок.

– Послушайте меня, Льюис, – рявкает Оппенгеймер прямо в микрофон, – видимо, Уотсон высказалась недостаточно ясно! Дохлые зверушки – в двух дюймах от нашего купола и почти повсюду в этой чертовой пустыне. Так что предупредите чилийцев или придите и заберите эти скелеты, чтобы как можно скорее исследовать их. У меня нет ни малейшего желания подцепить какую-нибудь дрянь. Ствол, поломка, мертвые животные – я на это не подписывался, о'кей? Иначе, я вам гарантирую, дело кончится плохо. И прекратите изображать глухого, отвечать на наши вопросы молчанием или своим излюбленным «я уточню». На сей раз так не пойдет.

Продолжая что-то бубнить, он отрывается от микрофона и запирается у себя в спальне. Уотсон первая возвращается на рабочее место. Остальные следуют ее примеру. У Джонсона суровый вид, он избегает встречаться с нами взглядом и явно не имеет желания разговаривать. Может, он в курсе чего-то, что мне неизвестно? Узнать невозможно. Некоторое время он неподвижно сидит за своим столом, а затем втыкает в цветочный горшок рядом с компьютером маленький американский флажок.

Завтра в Америке выборы.

День 122-й

6:55. Все, кроме Оппенгеймера, сгрудились вокруг радио в ожидании узнать имя нового президента Соединенных Штатов. Джонсон и Смит плечом к плечу прикинули к экрану; они явно волнуются. Я разглядываю лица, позы, вижу общее нетерпение перед приемником и вспоминаю своего отца, когда я был еще

ребенком, задолго до появления Интернета и мобильных телефонов. Таких моментов, когда уже само остановившееся время доставляет удовольствие, в нашем мире, где надо получить все и сразу, больше не существует.

Семь часов. Потрескивание. Женский голос:

Взгляд на мир 9 ноября 2016 года.

Иберийская рысь официально объявлена вымирающим видом.

Австралия: семья с четырьмя детьми застрелена в Ньюкасле.

Франция: рост ограблений в сельской местности на 24 % по сравнению с 2015 годом.

Население Земли только что превысило семь с половиной миллиардов человек.

Новые испытания водородной бомбы в Северной Корее. Хиллари Клинтон избрана сорок пятым президентом Соединенных Штатов.

До завтра, команда.

Джонсон и Смит ликуют, а потом хлопают по нашим подставленным ладоням. Краткий миг всеобщего ликования. В одиночестве сидя за столом в кухне и не сводя глаз с фотографии сына, Оппенгеймер ложками заглатывает восстановленный творог.

– Ну что, Оппенгеймер, видишь! Американский народ не столь дебилен, как ты думал! Прости, но тебе придется еще несколько месяцев терпеть меня.

В ответ Оппенгеймер показывает Джонсону средний палец и выходит из кухни. Он возвращается к своим платам, а я иду в ванную.

Избрание Клинтон – это хорошая новость: первой мировой державой не будет руководить больной человек, способный предать нашу планету огню и мечу. И вдруг я слышу крики Уотсон. Она срочно зовет нас.

Завернувшись в полотенце, я бегу на ее зов. Уотсон так и осталась возле приемника, мы собираемся вокруг столика. Сквозь помехи мы

различаем мужской голос, тонуший в потрескивании и мировых новостях, которые по-прежнему читает дикторша. Хотя на экране сплошная рябь, можно все-таки различить лицо. Мне кажется, это мужчина.

Население... «Мэй-дэй»!^[6] «Мэй-дэй»!... планеты только что... умерли... превысило... Все умерли. Пожалуйста... семь с половиной миллиардов... Если меня кто-то слышит... обезумел... Шшш... На помощь!.. человек... Шшш...

Новые испытания водородной бомбы в Северной Корее. Хиллари Клинтон избрана сорок пятым президентом Соединенных Штатов.

До завтра, команда.

Новости непрерывно повторяются по кругу, но помехи пропали, а экран погас. Приложив палец к губам, Джонсон призывает к молчанию. Мы переглядываемся, не открывая рта, и ждем пять минут, до восьми часов. Приемник молчит. Я встречаюсь глазами с Уотсон.

– До того, как мы все пришли, было не так много помех? Ты что-нибудь поняла?

– Нет, – отвечает Уотсон. – Постоянно повторялось это: «мэй-дэй», «мэй-дэй». Мне показалось, я расслышала слово «экипаж». И...

В сомнении она проводит пальцами по губам.

– И что?

– Перед самым вашим приходом в какой-то момент экран не так рябил. И... мне показалось, я различила логотип НАСА. Вроде как в кабинете Льюиса. На заднем плане, крупно.

– Ты уверена?

– Я... это было очень неотчетливо. Но думаю, да.

Оппенгеймер принимается нервно ходить из угла в угол:

– Тот, кто отправил это сообщение, вступил во взаимодействие с нашей системой, – объясняет он. – Это означает, что он подключился к нашей частоте.

– Специально?

– Понятия не имею, главное – что он где-то недалеко. Он передает на нашей частоте, мы находимся на пути его сигнала и улавливаем его обрывки. Это не самолет и не корабль, они не передают на этих частотах. Кто сегодня передает «мэй-дэй»?

– Я бы послал «мэй-дэй», если бы мне надо было позвать на помощь. Ты говоришь, он где-то недалеко... А конкретнее?..

– Не знаю... Километров тридцать, пятьдесят... Может, он в этой пустыне. Если это действительно НАСА, то какого черта?..

Я вспоминаю парней в комбинезонах, которые приезжали заполнять наш резервуар. Робот Хронос наталкивается на наши ноги, меняет направление и удаляется. Пэтиссон хочет что-то сказать, но Оппенгеймер тычет пальцем в ее сторону:

– Только не говори мне про тест.

Джонсон отправляет сообщение, чтобы проинформировать Льюиса о том, что только что произошло. Я слышу, как он описывает ситуацию, и с трудом в это верю. Некий экипаж, который отправляет сигнал SOS посреди пустыни? Безумие какое-то, мне кажется, это кошмарный сон. В том сообщении я слышал слово «умер». Много раз. Кто умер? Что случилось?

Спустя час появляется лицо нашего референта. Он преспокойно сидит у себя в кабинете и сообщает нам, что спутники не зафиксировали поблизости от нас ничего аномального. Никто в НАСА не перехватил подобного сигнала бедствия. Уотсон не сводит глаз с экрана. Когда Льюис прерывает сеанс связи, она убеждена: это был тот самый логотип НАСА, помещенный в том самом месте. Как если бы сигнал SOS был послан из кабинета нашего референта.

В боксе сингулярности я, используя тайный шифр, спрашиваю у Элен, знает ли она что-нибудь о разыгравшейся в Чили драме с НАСА или о том месте, где мы находимся. Чуть позже она отвечает, что ничего не нашла: все новости сосредоточены на избрании Хиллари Клинтон.

Несмотря на окружающий маразм, в тот вечер за ужином Джонсон пытается стимулировать нашу команду: реализация проектов идет в хорошем темпе, потребление ресурсов не превышает норму, нет поводов беспокоиться о здоровье. Чуть больше чем через две недели резервуары воды снова будут заполнены. Иными словами, можно быть почти уверенными, что все в порядке.

Но достаточно послушать Оппенгеймера, который разговаривает сам с собой по ночам. Понаблюдать за Уотсон, не спускающей глаз с трупа саламандры, превращенного неумолимым солнцем в скелет. Или же за Пэтиссон, которая убеждена, что за всеми нашими проблемами стоит НАСА с его единственной целью – тестировать нас. А тут еще это достойное фильма ужасов сообщение о бедствии, в котором говорится об экипаже и смертях.

Нет, на самом деле все плохо.

День 140-й

День доставки воды. Резервуар почти высох. Из десяти с половиной тысяч литров нам остается всего четыре литра драгоценной влаги, которую мы перелили в три бутылки. В восемь часов иллюминаторы были задраены, и мы все ждали наполнения резервуара около девяти, как и семьдесят дней назад. Но вот уже девятнадцать часов, и по-прежнему ничего. Невзирая на возражения Джонсона, Оппенгеймер сорвал все заслонки и устроился возле одного из круглых окошек, чтобы наблюдать. Шеф махнул рукой – лишь бы не подливать масла в огонь.

Я заперся в боксе сингулярности – мне уже несколько дней было не по себе. Происходит что-то необъяснимое – плюс еще одна странность. Через неделю после американских выборов была годовщина нашего с Элен знакомства. Я поздравил жену и попросил прислать мне ее фотографию в том месте, где мы познакомились, – в парке, который находится в пяти минутах ходьбы от дома. Она ответила, что у Натана сильный насморк, она не может выйти и

пошлет фотографию позже, когда ему станет лучше. Про этот насморк она говорила мне впервые.

Позавчера я снова попросил ее сфотографироваться, потому что для меня это важно, а она все не посылает... Вместо этого в коротком сообщении она прислала мне свою фотографию – но в гостиную. На этом снимке она смотрит в объектив с робкой улыбкой, а в письме рассказывает о плохой погоде, которая якобы помешала ей выйти из дому...

Сегодня утром в тайном сообщении я попросил:

«Укажи мне точно то место, где мы с тобой встретились в парке». Она сразу же ответила: «Ты будешь смеяться, но я не помню. Мне стыдно, прости».

Она не могла забыть это место – старый кривой дуб, на котором мы вырезали свои инициалы. На протяжении всей переписки по электронной почте она вспоминала другие точные подробности нашей жизни, но почему не эту? Заподозрив неладное, я возвращаюсь к снимку из предыдущего послания. Кто фотографировал? Элен не говорила мне ни о каком визите. И в тот же миг я обнаруживаю деталь, от которой у меня перехватывает дыхание: на Элен пурпурный с зелеными разводами шарф. Из ткани ручной работы, мы купили его на рынке в Провансе. Я сразу разъединяюсь и бегу к себе спальню. Приподнимаю подушку. Вот он, шарф, прямо передо мной. Тогда как он сейчас оказался на шее моей жены?

Тут не может быть двух мнений: Элен послала мне фотографию, сделанную до моего отъезда, но хочет, чтобы я думал, будто она недавняя. Я ничего не понимаю, я никогда не делал такой фотографии. Кто ее фотографировал? НАСА – во время одного из визитов к нам домой? У меня в голове все путается. Что за шутки? Здесь же нет никакого смысла.

И тут меня посещает страшная мысль: а что, если на том конце связи не Элен, а кто-то другой? Что, если я обращаюсь к кому-то, кто выдает себя за нее?

Нет-нет-нет, это невозможно...

Зажав шарф в руке, я на трясущихся ногах спускаюсь в кухню, выпиваю стакан воды. В ботинки мне утыкается Хронос: остается двадцать миллионов секунд. Я пинком отбрасываю его. У меня кружится голова. Если это не Элен, значит это НАСА.

НАСА делает фотографии, НАСА их публикует – включая снимки Натана. НАСА пишет сообщения. Как давно? С самого начала? С того момента, когда они явились к нам в дом сфотографировать моего сына? Или они украли компьютер Элен?

Тут я замечаю Оппенгеймера: он уставился в иллюминатор и напоминает сову, поджидающую добычу. Он вглядывается в горизонт – в надежде увидеть приближающуюся цистерну. Мы все знаем: без воды мы не выдержим и двух дней. Напряженный до предела, я выхожу на середину комнаты. Так больше не может продолжаться.

– НАСА нам лжет во всем, включая наше общение с внешним миром!

Все оборачиваются ко мне.

– Они модифицируют все наши сообщения – и те, которые мы отправляем, и те, которые получаем. Я понял это, потому что мы с женой установили систему кодов. То, что она говорила мне в кодированных сообщениях, не совпадало с тем, что я получал. Например, никто не знает, что мы в пустыне Атакама. А вот они хотят нас убедить, что наши близкие знают, они пишут это в своих сообщениях, но это неправда. Ваши жены, матери думают, что вы сейчас на Гавайях, как предполагалось. Все, что вы говорите, – особенно то, что касается важных сведений о миссии, – модифицируется.

Вытаращив глаза, Оппенгеймер следит за мной со своего наблюдательного поста и вертит на пальце обручальное кольцо:

– Это безумие. Как давно ты об этом знаешь?

– Давно. Я не мог сказать вам об этом. В НАСА в конце концов узнали бы благодаря опросникам. Кто-нибудь непременно проговорился бы, даже невольно.

Немец покидает свой пост и выходит на середину комнаты:

– А почему ты сейчас заговорил?

В мертвой тишине я размахиваю шарфом:

– Это давняя история. Только что я получил фотографию жены в этом шарфе вокруг шеи. Она утверждает, что сделала эту фотографию недавно. Она искала разные предлоги, чтобы не делать снимок, о котором я ее просил, ссылаясь на то, что не помнит точного места нашей первой встречи. Я думаю, это не она. Вероятно, у НАСА подготовлены ответы на все наши вопросы, изучена вся наша жизнь – моя и моей жены, но этого ответа у них не было. Это означает, что – не знаю, сколько уже дней, – я обращаюсь к незнакомцу, который пытается сойти за нее.

От моих собственных слов у меня стынет кровь. Если обман столь чудовищен, как я предполагаю, это также означает, что *незнакомец* так или иначе в курсе нашего кода и использует его. Что у меня больше нет способа отличить правду от лжи. В этот момент меня как громом поражают слова Шерона: *Жизнь всего лишь иллюзия*.

Кларисса Смит отрывается от микроскопа и встает со стула:

– У меня тоже было такое ощущение. Я гораздо реже общаюсь со своей матерью, чем ты со своей... женой; она редко посылала мне фотографии, но – не знаю, это трудно объяснить... В некоторых ответах она использовала несвойственные ей слова или выражения. Так было не всегда, это началось – точно не вспомню – после первого заполнения резервуара. Примерно на семидесятый день... И тогда я подумала: «Как странно...»

– И у меня то же самое, – говорит Уотсон. – Мой жених... Его ответы становились все более странными – во всяком случае, не похожими на него.

Джонсон стискивает зубы, но ничего не говорит. Взгляды коллег побуждают меня продолжать делать выводы. Я смотрю на Пэтиссон, в горле у меня встает ком. Мне так хочется рассказать ей о матери, но в последний момент я сдерживаюсь. Может, она и правда умерла.

Может, мерзавец на том конце электронной связи с самого начала мне врет. А у меня нет никакой возможности проверить.

Оппенгеймер тычет пальцем в иллюминатор:

– Нас дуруют уже сто сорок дней. Льюис врет, как дышит. Делайте что хотите, а я дождусь этих парней с водой, влезу в их грузовик и свалю отсюда. Я с этим заканчиваю и возвращаюсь к жене и сынишке. Все, я сваливаю. Надоела вся эта фигня. А они могут не сомневаться: я устрою шумиху вокруг всего, что здесь происходит.

Никто не возбуждается, все как-то серьезно переглядываются, и мне кажется, все согласны с нашим немецким коллегой: слишком далеко зашли эти ребята из НАСА со своим враньем и надувательством. Оппенгеймер срывает датчики и поворачивается к окну. Пэтиссон выступает вперед:

– Кто за то, чтобы прекратить миссию?

Она поднимает руку. Я тоже. Уотсон следует моему примеру, так же как и Смит. Все избавляются от датчиков. Джонсон мрачнеет. Он не поднимает руку, скорее вытягивает ее, выставив вперед раскрытую ладонь, словно желая успокоить нас:

– Никто ничего не прекращает, о'кей? Сейчас мы успокоимся и вернем все датчики на место. Сейчас, как и положено, привезут воду, и все вернутся к работе.

– Ты с ними заодно? – бросает Оппенгеймер. – Ты с этими придурками из НАСА? И ты предлагаешь нам успокоиться?

Немец хватается шефа за воротник свитера:

– Зачем мы здесь? Почему нам лгут? Что происходит?

Губы Джонсона по-прежнему плотно сжаты, но по его лицу я вижу, что он знает гораздо больше, чем хочет показать. Я уверен, что, будучи военным, он не заговорит. Наконец Оппенгеймер отпускает его и направляется к передатчику:

– Оппенгеймер – Льюису. Нам известны масштабы вашей лжи. Хватит с нас игр, мы прекращаем работу. «Ахерон II» закончится, как только я передам это сообщение. Пришлите кого-нибудь забрать нас.

Воды больше нет, уже вечер, и никто не прибыл, чтобы наполнить резервуар. Конец связи.

Больше часу мы, теснясь вокруг столика, ждем ответа, потрескивания, хоть чего-нибудь, но в ответ только тишина, и это меня не удивляет: вот уже много дней, как Льюис пропал без вести. Джонсон заперся у себя в спальне. Снаружи кромешная тьма, будто конец света. Понятно, что сегодня уже никого не будет. Я застаю Пэтиссон в кухне: она внимательно разглядывает стоящие там бутылки. С утра мы уже опустошили одну, хотя и ограничивали себя. Из кранов и душа не течет больше ни капли воды. Мои культуры тоже хотят пить. Когда шотландка замечает, что я наблюдаю за ней, она посылает мне грустную улыбку и, как Оппенгеймер, приникает к иллюминатору. Нам не остается ничего иного, как только ждать. Мы одни в этой ледяной ночи, посреди бескрайней пустыни.

Около десяти вечера немцу уже не сидится на месте. Сжав кулаки, он не спускает глаз с верхнего этажа:

– Гарантирую вам, что он сейчас выдаст все, что ему известно.

Перескакивая через ступеньку, он взбегает по лестнице и стучит в запертую дверь:

– Открывай! Открывай, или я все тут разнесу!

Под куполом нарастает напряжение. На этот раз никто не пытается остановить Оппенгеймера. Все хотят знать правду. В этот самый момент, когда можно было бы слышать биение наших сердец, громкий выстрел исторгает из горла Смит рефлексорный крик. Она бросается к лестнице, все бегут за ней, а Оппенгеймер ударом плеча вышибает дверь.

Джонсон лежит на полу с револьвером в руке. Он пустил себе пулю в лоб.

* * *

Занимается день. 141-й. Как всегда по утрам, за грядой вулканов разыгрывается феерия красок. Сначала робкие розовые, затем появляются нежно-желтые, а те переходят в ослепительно-оранжевый, когда солнце, словно поток лавы, изливается на вершины кратеров. День обещает быть жарким.

Пэтиссон всю ночь отправляла сообщения Льюису. Оппенгеймер несет свою вахту возле иллюминатора, но его взгляд как-то потускнел. Остальные с покрасневшими от усталости, слез и страха глазами уселись в кухне вокруг стола. Мне тоже хочется плакать. Я не хочу умирать. Я не хочу проводить еще один день рядом с трупом, лежащим в нескольких метрах от меня. Я хочу вернуться домой, прижать к себе жену и сына.

Я присоединяюсь к оживленно спорящим сотрудникам. Губы у меня пересохли. Хочется пить.

– Две группы – это лучшее решение, – подводит итог Уотсон. Она сидит, скрестив руки на груди. – Двое из нас на «Нух» отправятся за помощью. Нужно попытаться обогнуть гряду вулканов. Она расположена на востоке, в этом направлении и следует двигаться. Именно оттуда всегда приходит каманчака. На востоке находится океан, а значит, есть большая вероятность обнаружить там населенный пункт.

– «Нух» может двигаться автономно всего шестьдесят километров, – уточняет Смит. – А на расстоянии шестидесяти километров нет ничего, кроме чертовых камней.

– Тридцати, если мы рассчитываем вернуться.

Уотсон взвешивает свои слова. Если в шестидесяти километрах отсюда ничего нет, у «Нух» закончится горючее и его пассажиров будет ждать печальная участь. В полутьме, которая рисует черные круги у нас под глазами, уже мы все собрались вокруг стола.

– Мы не можем позволить себе оставаться здесь и ждать еще один день, – говорит Оппенгеймер. – Нас пятеро, и у нас едва ли три стакана воды на каждого. Кондиционированный воздух сушит горло. Джонсон... покончил с собой. Он предпочел совершить этот

поступок, но не столкнуться с тем, что нас ожидает. Нам следует исходить из принципа, что за нами никто не придет.

– Зачем НАСА доверило ему оружие? – качая головой, спрашивает Смит. – Чтобы помешать нам прервать командировку? Или выйти отсюда? Не понимаю... Нет, я не понимаю. Он мне никогда ничего не говорил.

От потрескивания рации у нас перехватывает дыхание, а в глазах на краткий миг вспыхивает огонек надежды. Но это всего лишь ежедневные новости: женский голос снова выкладывает дурные вести. Вырубка леса, убийство слонов ради слоновой кости, животные на грани вымирания... Новости повторяются бесконечно, и от этого становится еще хуже, но мы оставляем их как звуковой фон – на тот случай, если сквозь них прорвется новое сообщение о бедствии.

Уотсон спрашивает, кто готов отправиться на разведку на «Нух». Решать надо быстро. Но руку никто не поднимает, и тогда мы тянем жребий. Мы сравниваем свои соломинки, и я ощущаю, как под ногами у меня разверзается бездна. Со мной пойдет Уотсон.

Мы обречены катить к смерти.

* * *

Прежде чем поделить остатки воды на пять равных частей, каждый выпил по четверти стакана. Наша доля была перелита в две банки, обернутые тканью, которую мы даже не сможем больше увлажнить. «Нух» может двигаться со скоростью тридцать километров в час, нам потребуется два часа, чтобы полностью исчерпать энергию его батарей. Два часа под палящим солнцем – и всего по два стакана воды каждому...

Все вместе мы стоим перед створками шлюза, без комбинезонов. Оппенгеймер открывает. Теплый ветер ласкает мне лицо, от удовольствия я закрываю глаза. Каждый из нас расправляет плечи,

дышит полной грудью. Вот уже пять месяцев, как ни одна молекула чистого воздуха не касалась нашей кожи. Немец испускает протяжный крик, который теряется в пустоте.

Благодаря рации мы с Уотсон сможем оставаться на связи с куполом. Пора. Мы все обещаем друг другу, что очень скоро увидимся, что помощь вот-вот придет и что мы обязательно найдем следы цивилизации в шестидесяти километрах отсюда. В конце концов, Чили – это всего-навсего узкая полоска земли. Пэтиссон прижимает меня к себе и, обливаясь слезами, бегом возвращается в купол. Остальные неподвижно смотрят, как мы уезжаем. Их глаза многое говорят об участи, которая нас ждет.

Очень скоро, по мере того как гряда вулканов приближается, база превращается в маленькую белую точку в зеркале заднего вида. К востоку рыжая и охристая перемычка как будто истончается, и я направляю машину именно туда. Саднит пересохшее горло. Мы не разговариваем, чтобы экономить слюну. Хочется пить, но я сдерживаюсь, я буду сдерживаться, сколько смогу. Я думаю о своей семье, о ребенке, пытаюсь представить себе, о чем сейчас размышляет Элен. Что ей рассказывают о нашей миссии? Что написано в сообщениях, которые она получает, полагая, что они от меня? А если... если я не выживу, что они ей скажут?

На лбу Уотсон выступают крупные капли пота, солнце жарит немилосердно, синева неба такая глубокая, что мне кажется, будто я смотрю в океанскую бездну. Я шарю взглядом по небу в поисках следов самолета и не вижу ни одного. Помнится, прежде они иногда появлялись. Когда их не стало?

Преодолев двадцать два километра пути, мы вроде бы добрались до края неприступной гряды скал. Еще несколько сотен метров – и мы узнаем, что там, по другую сторону. Я воображаю себе просторную гладь океана, на берегу которого рассыпаны города с разноцветным населением. Я представляю себе гул толпы, автомобильные гудки, запахи пряностей и холодного пива. Скоро приедем.

Чтобы подорвать мой боевой настрой, «Нух» издает бип-сигнал гораздо раньше, чем ожидалось, на двадцать пятом километре. Мы уже достигли точки невозврата. Мы с Уотсон озабоченно переглядываемся. Губы у нее пересохли. Только идиоты в подобной ситуации не повернули бы обратно. Чтобы пригасить бушующее в глотках пламя, мы делаем по несколько глотков тепловатой воды из своих склянок. Уотсон включает рацию, мы слышим слова поддержки, которые напоминают мне те, с которыми обращаются к приговоренному.

Мы снова пускаемся в путь, отчетливо сознавая, что вернуться в купол уже не сможем.

На тридцать третьем километре «Нух» одолевает подъем, оставив вулканическую крепость слева. Наконец поверхность становится ровной, открываются перспективы, и мечта о синеве океана превращается в красный кошмар. Темно-красный цвет этих чертовых скал теперь повсюду вокруг нас: слева, справа, до самого бескрайнего горизонта. Я слышу, как Уотсон бормочет: «Не может быть!» – затем она лихорадочно хватается за рацию и говорит: «Ничего нет. Вообще ничего».

Даже если мы решимся повернуть назад, «Нух» выйдет из строя приблизительно в шестнадцати километрах от базы.

И даже если мы, вконец обезвоженные, доберемся до базы, чего нам ждать при отсутствии воды?

Надо экономить силы. До последнего использовать энергию модуля.

– Может, мы в конце концов что-нибудь увидим, – бормочу я. – За горизонтом всегда что-то есть. Мы должны продвинуться как можно дальше, а потом, когда «Нух» больше не потянет, пойдем пешком.

– До конца...

Не говоря больше ни слова, мы опять пускаемся в путь. За скалой – скала. За нашими спинами уходит вдаль гряда вулканов. Черт возьми, да мы оба сдохнем от жажды. Все пятеро сдохнем. Мне следовало прихватить оружие. А мы об этом даже не подумали.

Внедорожник, который доставлял нам воду, разбился о скалу. Мы с предосторожностями покидаем «Нух». Внутри салона обнаруживаем два человеческих трупа. Тоже высохшие, как саламандры. Они в одежде, но она едва прикрывает кости, на которых еще видны куски тканей и кожи, коричневой и скомканной, как горелая бумага. Неузнаваемые лица мумий. Мужчина и женщина. На их футболках логотип НАСА, в точности как на наших.

Уотсон морщится, тянет меня назад:

– Уходим, быстро.

Мы бросаемся к «Нух». Я стремительно стартую. Не могу отвести взгляд от зеркала заднего вида. Черт возьми, что же здесь произошло? Кто эти люди? Откуда они? Их настигла та же болезнь, которая убила мелких зверушек. Уотсон совершенно оцепенела и смотрит прямо перед собой. Она даже не удосужилась отключить рацию. На ее лице ужас.

Тут наш аппарат скатывается по склону, и я не верю своим глазам. Пальцы Уотсон вцепляются в мою правую руку. Это не мираж: прямо перед нами, внизу, – ну да, купол. Купол, соединенный тоннелем со складским пространством, с антенной, со шлюзом.

Я спускаюсь, огибаю его и обнаруживаю черные буквы на передней круглой стене: «Ахерон II». Наш купол. Черт пробери, но как это возможно? В десяти метрах от входа лежат три тела, но они не такие, как те, во внедорожнике. Эти скорее разложившиеся, нежели засохшие. Широкий красноватый след свидетельствует о том, что сюда их перетащили изнутри купола. Они лежат лицом в землю. Убитые пулей в спину. Двое из них женщины.

Дрожащей рукой я выключаю электродвигатель. Я в шоке.

И в этот момент мне в голову приходит самая страшная мысль. Пустыня – это чистилище. Она служит прибежищем мертвым, которые не знают, что они мертвы, и бродят по ней в ожидании Страшного суда.

Эти мертвецы – здесь, на земле, и там, во внедорожнике, – это мы. Оппенгеймер, Смит, Пэтиссон, Уотсон, Джонсон и я.

Мы все мертвы.

* * *

Нет, мы не можем быть мертвы. Мертвые не могут думать. А я думаю.

Несмотря на жажду и жару, от которой раскаляется голова и я начинаю бредить, надо взять себя в руки. Здесь нет транспортного средства, работающего на солнечной энергии. Значит ли это, что исполнитель убийства покинул базу? Те двое, во внедорожнике, хотели сбежать? Предупредить нас? Мы с Уотсон молча обмениваемся долгими взглядами: может, там внутри еще есть вода. «Нух» на последнем издыхании, далеко на нем уже не уедешь.

Сейчас войдем.

Прежде чем сделать первый шаг, я еще раз внимательно разглядываю тела. Где мухи, трупоядные насекомые, стервятники? Никакого гудения, все вокруг замерло. Полное небытие. Я нажимаю на кнопку, отпирающую створки шлюза. В отсеке висят шесть комбинезонов.

С крайней предосторожностью мы переступаем порог шлюза и входим в купол.

Похоже, он пуст. В том месте, где в нашем куполе находятся лаборатории, рядом стоят включенные компьютеры.

Я подхожу, и у меня возникает ощущение, что я погрузился в какой-то глубокий и непостижимо кошмарный сон. Повсюду висят фотографии Элен и Натана. Но уже большого Натана, в шесть месяцев, восемь, девять... Как это возможно? Я снимаю фотографию, внимательно изучаю ее – она очень четкая, я замечаю мельчайшие детали, которые наводят меня на мысль о том, что взросление достигнуто путем цифровой обработки.

Они состарили моего Натана, создали лицо, которое существует только в будущем.

Жизнь всего лишь иллюзия. Мы мертвы и находимся в чистилище.

Моя мысль обретает силу. Рядом с клавиатурой – листы со сведениями об Элен и обо мне, с нашими разобранными, разложенными на бумаге жизнями. Интересы, достоинства, недостатки, совместная жизнь... Все тщательно проверено. Через два компьютера от меня стоит Уотсон со слезами на глазах и с фотографиями в руке. То же самое про нее и ее семью, я полагаю.

На экране компьютера открыта электронная почта. Здесь все письма, которые я отправлял Элен. Кто-то, сидя за этим компьютером, получал их и отвечал мне вместо моей жены. Посреди бескрайней пустыни, в куполе, расположенном как минимум в пятидесяти километрах от нашего...

Подопытные крысы – вот кем мы были. Управляемые людьми, тоже запертыми в куполе, по всем статьям похожем на наш. Людьми, которые были убиты или умерли от какой-то болезни, поразившей их на месте.

Я направляюсь к боксу сингулярности, толкаю дверь и в ужасе застываю. На задней стене кабинета, который я тотчас же узнаю – это кабинет Льюиса, – растянут флаг НАСА. За моей спиной прислонилась к дверной раме совершенно подавленная Уотсон. Я подхожу к стоящему на деревянном столе монитору, включаю его. Висящая на экране надпись сообщает мне, что связь с «Ахероном II» будет установлена через двадцать минут.

Справа от первого есть еще один экран. На нем вывешен график со строчками, расположенными одна под другой: «Взгляд на мир 28 ноября 2016 года», «Взгляд на мир 29 ноября 2016 года», «Взгляд на мир 30 ноября 2016 года» и так далее. Я хватаю мышку и пролистываю график вниз. Даты уходят далеко в будущее. Я наугад кликаю на одну строчку – февраль 2017-го. Это больше чем через два месяца. Из компьютерных колонок слышится женский голос:

Взгляд на мир 21 февраля 2017 года.

Франция: однополая пара погибла при поджоге; преступление носит гомофобный характер.

Экстремист с полуавтоматическим оружием убил двадцать девять студентов в Техасском университете, после чего застрелился сам.

Торговые войны: растет напряжение между Китаем и Соединенными Штатами.

В Австралии на страницах Фейсбука было распространено видео убийства шестилетнего ребенка.

Соккрытие сумм облагаемых доходов достигло 27 миллиардов евро, что превышает совокупность ВВП Соединенных Штатов Америки и Японии.

До завтра, команда.

Мировые новости фиктивные, записанные заранее. Выходит, все было нереальное, даже эти ежедневные фразы, выплевываемые женским голосом. *Мы мертвы... Мы все мертвы и блуждаем в межмирье...* Я перелистываю таблицу до самой последней записи, от 10 июля 2017 года. До дня, когда наша командировка должна была подойти к концу.

Взгляд на мир 10 июля 2017 года.

Ну вот вы и у цели, члены экипажа «Ахерон II». Но если вы слушаете это сообщение, записанное задолго до начала вашей миссии, значит мир уже не тот, каким вы его знали.

Вне стен вашего купола нет больше слонов, нет черепах, нет птиц, нет...

Раздается выстрел, колонка, из которой звучит голос, взрывается прямо передо мной. Уотсон вопит. В дверном проеме в нас целится Льюис, ствол его оружия еще дымится. Его лицо заросло седой щетиной, всклокоченные волосы придают ему вид безумца. Левое стекло его очков разбито.

– Значит, кончено? Так-таки кончено? Вы дышали снаружи и вы живы?

Его глаза мечутся в орбитах, он прощупывает нас взглядом, словно перед ним два инопланетянина. Рука с пистолетом падает. Он вяло разворачивается и медленным шагом направляется к шлюзу. Мы на некотором расстоянии следуем за ним. Оказавшись снаружи, он поднимает лицо к небу и вдыхает полной грудью, совершенно игнорируя кровавые следы и три трупа, которые прожариваются в трех метрах от него. А затем падает на колени.

– Что кончено? – холодно спрашивает Уотсон.

Он поднимает голову и оборачивается к нам:

– Яза... Яза ушел.

– Яза...

– Так мы его прозвали. Наши ученые четыре года назад совершенно случайно обнаружили его в ледниковом щите, в Арктике. Из-за потепления климата и таяния ледников труп полярного медведя, вероятно находившийся там сотни лет, вышел на поверхность поблизости от наших баз. И мгновенно засох. Как будто мумифицировался.

Положив оружие перед собой на землю, он разглядывает свои покрытые красной пылью руки и тихонько трет ладонь о ладонь.

– ...Мы проанализировали труп в защищенных лабораториях американских служб здравоохранения. И обнаружили неизвестный вирус, «уснувший» из-за холода. Когда нашим ученым удалось снова сделать его активным, они открыли ящик Пандоры. Яза оказался самой гадкой мерзостью, которая когда-либо существовала. Способный мутировать с невероятной скоростью, атаковать все виды животных и убивать их в течение меньше чем часа после двух дней инкубации без единого клинического симптома. И он летал, этот Яза летал по воздуху, мог выживать на протяжении долгих дней. Он заражал живое существо, самовоспроизводился в миллионах копий и, как поднятая ветерком пыльца, отправлялся в атмосферу на

поиски новых жертв. И так до бесконечности. Цепная реакция, которую невозможно остановить.

Льюис поднимается с колен. Оружие по-прежнему лежит у его ног. Мы с Уотсон могли бы наброситься на него, но мы ничего не делаем. Мы хотим знать.

– ...Яза был совершенным оружием массового уничтожения, способным в течение нескольких недель истребить человечество. Следовало бы уничтожить его, тысячу раз следовало бы, но вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, как устроен мир... Кто бы согласился уничтожить такое оружие? Так что было принято решение сохранить его и найти вакцину. Параллельно мы развертывали миссии типа «Ахерона»: подбирали группы людей, прошедших строжайший отбор, способных жить в замкнутом пространстве и производить собственные ресурсы во враждебном мире. В случае если...

На глазах у меня выступили слезы. Губы задрожали, и я едва смог выдать из себя слова, обжигающие гортань:

– В случае если вирус ускользнет от вас?

– Яза был неконтролируемым. Американским лабораториям высочайшего уровня безопасности не удалось его удержать. Двенадцатого октября в переполненном метро упал один из сотрудников лаборатории в Луизиане, сам того не зная подцепивший вирус. И сразу все покатилось с невероятной скоростью. Двадцать первого октября были уже миллионы жертв. С двадцать восьмого я уже больше не имел мировых новостей... Никаких собеседников, связь прервалась... начало конца человечества.

У меня кружится голова. Моя жена, сын, мать... Уотсон кидается на Льюиса и изо всех сил трясет его:

– Ты лжешь! Ты лжешь, сволочь!

У нее истерика, она кричит и одновременно плачет.

– Если бы! – отвечает он. – Но это правда. Вы же видели там, снаружи. Животные и... члены моей команды... Яза долетел и сюда,

его принесли ветры. Все, что находилось на его пути, было сметено, и каждое встреченное им живое существо только способствовало его распространению в пустыне. Вы были выбраны, чтобы восстановить человечество, если случится катастрофа. Мы с моей командой, так же как и Джонсон, были здесь, чтобы удостовериться, что вы продержитесь как можно дольше...

Он кивает в сторону купола:

– Под «Ахероном II» есть резервуар кубической формы со стороной пять метров, способный обеспечивать водой две наши группы в течение года. Что касается новостей, которые вы получали каждое утро до распространения вируса, то они подлинные. Все последующие были на всякий случай придуманы и записаны заранее. Вы должны были верить, что мир по-прежнему существует. Что же до нас, то нам необходимо было продержаться так же долго, как вашей команде, чтобы присоединиться к вам, когда закончится этот апокалипсис.

– Джонсон... знал... – с запинкой произношу я. – Он знал еще тогда... когда умирала моя семья...

– Нет, он не знал ничего про Язу. Но он был прежде всего военным. Он получил строжайший приказ не давать вам выходить без комбинезонов и прерывать командировку. И разрешение применять силу... Это было также и моей обязанностью. Но... все пошло не так. Когда это действительно случилось, когда мир стал опустошаться, когда смерти уже исчислялись миллионами, двое членов моей команды захотели бежать отсюда. Они без комбинезонов бросились в автомобиль и попытались догнать вас... Но в воздухе висел вирус. Результат вы видели... Тогда оставшиеся члены команды сделались неуправляемыми. Они пытались послать вам сообщение о бедствии, поставили под угрозу вашу миссию. У меня не было выбора... Таков приказ.

– Какой приказ? – восклицает Уотсон. – Все умерли! Какой приказ?

Он опускает голову. Остальное происходит так стремительно, что я даже не успеваю среагировать. Уотсон кидается к оружию и с воплями выпускает всю обойму в Льюиса. Тот падает с широко раскрытым ртом, уставившись остекленевшими, изумленными глазами в небо. Уотсон опускается на колени, в растерянности держа обеими руками дымящееся оружие.

На нас обрушивается тишина. Я не могу поверить, что мир теперь будет всего лишь отсутствием звуков, жизни. Мертвой планетой. Мое сознание опустошено, как после пожара. Как представить себе мир без моей жены и моего сына, без людей, без птичьего пения? Найду ли я в себе силы выжить вместе с пятью другими, покинуть пустыню и отправиться на поиски возможных выживших? Какой мир ждет нас за горизонтом? Сейчас это непостижимо.

Уотсон протягивает ко мне руку. Я помогаю ей подняться, и мы возвращаемся в купол. Надо предупредить остальных. Прежде чем сделать это, я иду к компьютеру, на экране которого все еще прокручивается самая последняя запись программы новостей. Колонка не работает, но я включаю громкость компьютера на полную мощность. Если немного склониться к динамику, сообщение можно расслышать.

Взгляд на мир 10 июля 2017 года.

Ну вот вы и у цели, члены экипажа «Ахерон II». Но если вы слышите это сообщение, записанное задолго до начала вашей миссии, значит мир уже не тот, каким вы его знали.

Вне стен вашего купола больше нет слонов, нет черепах, нет птиц, нет рыб. И людей тоже нет. Все живые виды исчезли, истребленные способным летать смертельным вирусом. По всему миру – в Арктике, Антарктиде, в пустынях и под водой – на других изолированных базах существуют другие миссии, такие же как ваша. И сейчас они, так же как и вы, получают это сообщение.

Ваша задача – восстановить человечество. Объединитесь и выживайте.

На этот раз «до завтра» не будет. Будущее нашего вида принадлежит вам.

Примечание: в основе этой истории лежит программа HI-SEAS (Hawai'i Space Exploration Analog and Simulation) и блог француза Сиприана Версе^[7], пережившего эксперимент изоляции.

К счастью для него и других членов его команды, их миссии повезло больше.

См.: <http://www.larecherche.fr/rubrique/le-blog-de-cyprien-verseux>.

Враги

Совсем рядом вода плещется о камни. Чуть дальше кричит какая-то хищная птица, ее крик эхом отдается на отвесных склонах ущелья. Но едва Леа поворачивает голову, как раздается звук бьющегося стекла. Мельчайшие осколки вонзаются ей в шею, волосы, рассыпаются по ее узким загорелым бедрам. Она их чувствует даже на губах.

Чтобы открыть глаза, нужно сделать огромное усилие. Окружающий мир – сплюснутая железная коробка и бесформенные куски пластика. Подушки безопасности сработали. В салоне машины творится нечто невообразимое – сплошные выступы и провалы, в которые ну никак невозможно запихнуть человеческое тело. Да вот только люди уже там, внутри.

Леа с трудом поворачивает голову в сторону водителя. Болят шейные позвонки, голова, низ живота. Кажется, что ремень безопасности врезался в тело, сдавливает грудь.

Она видит, как водитель что-то ищет в кармане на дверце машины. Он слышит шум и поворачивается к ней. На носу у него огромный синяк – наверное, от удара подушкой безопасности. Засохшая струйка крови доходит до горловины джемпера. Руль почти впился ему в грудь и не дает пошевелинуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЛЬЕ

ИЛЛЮЗИЯ СМЕРТИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Примечания

1

Ахерон – в древнегреческой мифологии одна из рек в царстве Аида. – *Здесь и далее примеч. перев.*

[Вернуться](#)

2

Little-Box (*англ.*) – коробочка.

[Вернуться](#)

3

Сингулярность – единичность.

[Вернуться](#)

4

Каманчака (*samanchaca*) – чилийское название морсящего тумана.

[Вернуться](#)

5

Миф о пещере – знаменитая аллегория, использованная Платоном в Седьмой книге диалога «Государство» для пояснения своего учения об идеях. По Платону, пещера олицетворяет собой чувственный мир, в котором живут люди. Подобно узникам пещеры,

они полагают, будто благодаря органам чувств познают истинную реальность. Однако такая жизнь – всего лишь иллюзия. Об истинном мире идей они могут судить только по смутным теням на стене пещеры.

[Вернуться](#)

6

Mayday («мэй-дэй») – международный сигнал бедствия в радиотелефонной (голосовой) связи, аналогичный сигналу SOS в радиотелеграфной связи (с использованием азбуки Морзе). Используется в ситуациях, которые представляют непосредственную угрозу для жизни людей, например терпящими бедствие морскими и воздушными судами.

[Вернуться](#)

7

Сиприен Версе (Cyprien Verseux) – гляциолог и астробиолог, работающий на научной станции «Конкордия» в Антарктиде. Он ведет блог о жизни в экстремальных условиях, а также делится в «Твиттере» фотографиями своих рабочих будней. Его снимки наглядно демонстрируют, как меняется привычная всем еда, когда температура опускается до -70°C .

[Вернуться](#)